ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (3101) Четверг, 18 июня 1953 г. Цена 40 коп.

ЗОЛОТАЯ ПОЙМА

Приокская пойма...

Раскинулась она, луговая красавица, на добрые три сотни километров, собрав вокруг себя двадцать районов Рязанской области.

Едешь день, другой, а заливные луга и пастбища, расшитые цветами июня, то догоняют горизонт, то несут букеты красного клевера, герани и белой ромашки к неожиданно отвесному левобережью.

Все чаще бросаются в глаза снопы дыма — сжигают мусор, дикорастущие травы, камыши. На зеленом ковре луга то и дело мелькают пестрые косынки колхозниц. Они убирают кочки, вилами сгребают хворост, боронуют луга...

Все это, как говорят здесь, «поверхностное улучшение» лугов и пастбищ. Рязанцы-животноводы знают: стоит приложить руки — и пойменная долина Оки подарит сочные, чудесные травы в человеческий рост, обеспечит на зиму высококачественным сеном.

...Иван Трофимович Киселев, бакенщик поста № 557, подправляет топором свежесколоченную лодку. Неожиданно мы слышим приближающийся рокот самолета. Он летит совсем низко, не более чем в десяти метрах от земли, летит и как бы тянет за собой вееробразный пыльный шлейф.

— Подкормкой занимаемся, удобряем, — говорит Киселев с неким равнодушием, и вдруг, не скрывая досады, горячо:—Да разве это простор для самолета? Вертится, как волчок, на одном пятачке. Ему и разгуляться негде. Вот осушить бы болота да по всей пойме пустить его. Это же золото — земля! Не поскупись, вложи в эти луга десять копеек, они тебе рубль отдадут...

Даже опытные животноводы до поры до времени не подозревали, на что способна их приокская пойма. Года два назад совхоз «Пролетарский» провел на площади в 300 гектаров подкормку лугов и пастбищ минеральными удобрениями. Прошли недели. И люди не верили своим глазам. Откуда бы это? На лугах появились желтая люцерна и розовый клевер — прекрасное бобовое сено! Уж не засевались ли луга с самолета семенами этих сочных трав? Нет, просто удобрения вызвали к жизни слаборазвитые, заглушенные рябинником и конским щавелем высокопитательные, ценные кормовые травы.

Директор совхоза Платонов показывает фотографии:

— Черно-пестрая корова «Жемчужная» за прошлый год дала 8.742 килограмма молока. Не уступает, как видите, знаменитым костромским «чемпионкам». Вот «Виза» — 7.692 килограмма молока, «Дильда» — 6.852 килограмма. Честное слово, мы сможем не отставать от совхоза «Караваево»! Хорошие корма — одно из важных условий, при которых можно добиться высоких удоев. А хорошие корма и даст пойма, если только по-настоящему преобразовать ее, провести коренное улучшение лугов!

Коренное улучшение лугов! Эти слова вы можете сейчас услышать во всех двадцати районах области, примыкающих к Оке. Это — программа к действию, большая государственная задача, высокая романтика преобразования.

Можно не плавать по морям-волнам, но быть открывателем новых земель! Коренное улучшение приокских лугов и пастбищ, освоение золотой поймы, которая под руками человека способна как бы изменить весь свой характер, расстаться с болотами, подружиться с отводными каналами, избавиться от кустарников, изменить ботанический состав трав и соперничать их богатством со знаменитыми альпийскими лугами,— разве все это нельзя приравнять к открытию новой, неведомой до сих пор земли?

В области создано 17 лугомелиоративных отрядов, организовано 8 лугомелиоративных станций.

Недавно мне пришлось побывать в одной из них — Полянской ЛМС Солотченского района. Неподалеку от лугомелиоративной станции я увидел полотно дороги, извивающееся по пойме среди торчащих кочек, местами залитых болотной водой. Вокруг простирались закустаренные, задернованные и сильно заболоченные луга. Такую картину странно было наблюдать именно здесь, буквально в двух шагах от станции. В чем же дело?

Оказывается, в прошлом году начались разделка этих пластов тяжелой дисковой бороной и работы по осушению болот. Проложили открытый канал — всего в полтора километра — и к нему подвели так называемые дрены — подземные кругообразные канавки, которые прорыл под землей кротодренажный плуг. Эти канавки, подобно веткам дерева, стекаются к стволу открытого канала, который, в свою очередь, должен впадать в магистральный отводной канал. И тут-то работа затормозилась из-за того, что нужен торфяной экскаватор, а его нет. Отсутствие новой техники — серьезная причина, тормозящая работы по коренному улучшению лугов и пастбищ.

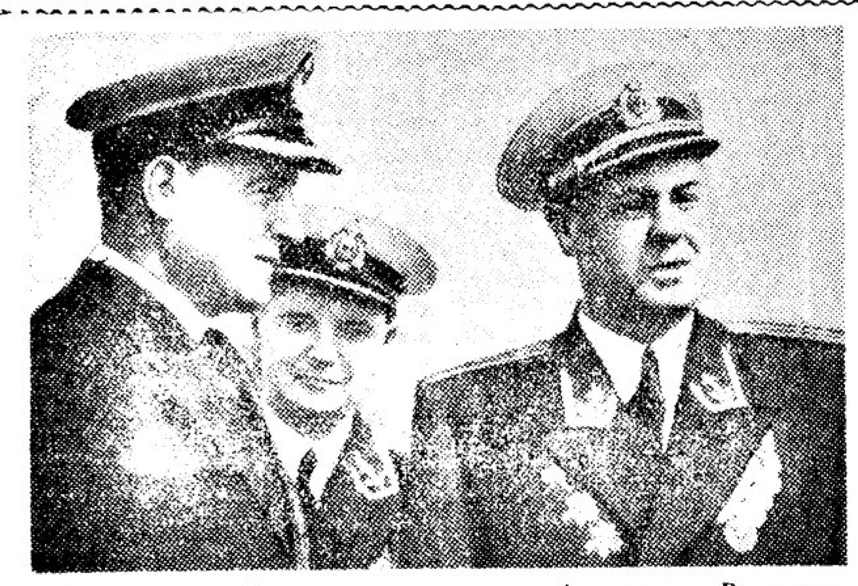
Люди этого богатого края горят желанием как можно скорее преобразовать свою золотую приокскую пойму.

Переправляюсь через Оку. На лугу пахнет душистым парным молоком. Женщина в черном платке обходит свои владения — урочище «Мысы». Это — Герой Социалистического Труда Прасковья Коврова, доярка колхоза «Фундамент социализма». Ее коровы дают самые обильные удои.

Из народных русских сказок с детства памятны слова о раздольных, богатых краях, где «текут молочные реки». Вот уж поистине потекут молочные реки с пойменных, золотых берегов, когда мы капитально преобразуем этот щедрый приокский край!

Виктор УРИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РЯЗАНЬ. (По телефону)

Командира «Свердлова» капитана 1-го ранга Рудакова (справа) приветствует капитан Коупман, один из высших офицеров британского флота (слева)

Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

ГОРЬКИЙ-ПУБЛИЦИСТ

Новое собрание сочинений Максима Горького близится к завершению. И хотя нет в нашей стране человека, не читавшего «Фому Гордеева» и «Дело Артамоновых», «Макара Чудру» и «Челкаша», «Мещан» и «На дне», не знающего Данко и Буревестника, Павла и Нила,—вновь и вновь обращаются миллионы читателей к знакомым томам, с обложки которых пристально и вдумчиво, словно видит и вчерашний день, и сегодняшние дела, и грядущие годы, смотрит на нас любимый писатель, большой человек своего народа.

Сколько мысли в этом простом лице с опущенными книзу седоватыми усами, с простой прической ежиком, с морщинами большой заботы у глаз! Сколько мыслей—пытливых, беспокойных и настойчивых, в этих книгах, бесстрашно отразивших большую правду жизни!

И теперь, когда рядом с прославленными произведениями в собрание сочинений включены десятки произведений малоизвестных, опубликованных в давние годы и с тех пор не переиздававшихся, весь творческий путь Горького становится особенно ясным, сила его таланта — особенно ощутимой, жизненный подвиг его — особенно отчетливо видимым. Мастер короткого, поэтически романтичного или беспощадно реалистического рассказа; острый памфлетист, в совершенстве владеющий разящим оружием сатиры; поэт, сложивший гимны мужественным дерзаниям, воспевший любовь, которая сильнее смерти, счастье, перед которым бессильно горе; драматург, пьесы которого вот уже полвека не сходят со сцены, живут как полнокровные, яркие образцы глубокого раскрытия характеров и сильных жизненных конфликтов; романист, вместивший в свои повествования историю многих поколений и создавший эпические картины русской жизни... И журналист со страстным темпераментом публициста, с острым взглядом наблюдательного очеркиста, с оперативной хваткой репортера...

Четыре тома сочинений Горького будут посвящены его публицистике и устным выступлениям. Пока вышли только два, охватывающие статьи 1895—1928 годов.

Нечего и говорить об огромной ценности такого издания: миллионы читателей с благодарностью прочтут бережно собранные и тщательно сверенные тексты статей своего любимого писателя — от первых фельетонов в «Самарской газете», «Одесских новостях» и «Нижегородском листке» до авторитетных выступлений всемирно известного писателя, к чьему голосу прислушивались во всех концах земли.

С первых своих заметок до последних гневных обращений к зарубежным мастерам культуры с призывом определить свое место в общественной борьбе Горький выступает как непримиримый борец против пустых и продажных душ, против обывательщины и мещанства, против своекорысти и трусости; выступает как последовательный поборник высоких идеалов служения народу, защиты человеческого счастья, утверждения человеческих прав.

С горечью писал он в первой своей газетной заметке (открывающей нынешнее издание его публицистики) о том, как ничтожна, мелка и труслива буржуазная пресса. А ведь читатели возлагали на нее большие надежды: «Борьба за правду и добро считалась ее назначением, она высоко держала знамя с благородным девизом, начертанным на нем, и если порой впадала иногда в ошибки, то они не ставились публикой в фальшь ей, прессе, группе людей, расходовавших для общества действительно горячую кровь сердца и неподдельный сок нервов».

Такое понимание задач журналиста присуще Горькому на всем протяжении его деятельности,—и о чем бы ни писал он, в его статьях всегда чувствуются неугомонное биение большого сердца, пламя неподдельной любви и неугасимой ненависти.

С июля 1895 года по апрель 1896 года Горький напечатал в «Самарской газете» свыше 180 фельетонов под общим заглавием «Между прочим». С каким мастерством молодой журналист умел взять маленький, на первый взгляд ничтожный, факт и осветить его большой и умной мыслью!

Вот он описывает обыкновеннейшее вечернее гулянье, когда в Струковском саду «по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течет самарская жизнь», когда «прекрасные самарянки» дефилируют «все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли...»

Тончайшим скальпелем иронии вскрывает фельетонист пустоту и никчемность этих «барышень полненьких и барышень худеньких», которым суждено со временем «воспитывать из детей своих мужей, твердых духом, и граждан — благородных, бескорыстных слуг отечеству». И ирония вдруг отступает перед страстным монологом публициста, требующего, чтобы в молодом поколении воспитывались «любовь к родине, стремление к подвигу во имя ее, благородство духа, понятие о чести и о справедливости», и провозглашающего, что «жизнь есть труд» и что «время придет и принесет с собой жестокое наказание тем, которые относились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно...»

Сам Горький никогда не относился к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно; об этом ярчайшим образом свидетельствуют его газетные фельетоны. Горько сетует он, что «амплуа фельетониста — очень нелегкое амплуа, скажу я вам»: «берешь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни», и «оказывается, что жизнь за истекший день, как и за все ранее истекшие дни года, никуда не подвинулась», «потому что она разлагается». С едким сарказмом говорит он о том, как самарские обыватели обратились к полиции с просьбой уничтожить бродячих собак и что в этой просьбе «даже есть некоторый намек как бы на сознание обывателем своих прав», «плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками».

О той же страстности и активности свидетельствуют и «Беглые заметки» о знаменитой Нижегородской выставке. Горький как бы мимоходом, но весьма решительно заявляет, как «неприятно видеть на художественно-промышленной выставке — выставку изнурительного поденного труда чернорабочих»; он привлекает внимание читателей к отделу кустарных производств, в котором «показывается доподлинная, оригинальная Россия, самобытно творящая и почти свободная от всяких влияний чужой мысли», и тут же говорит, что работа кустарей должна быть облегчена, что им нужны ремесленные школы...

Это характерно для Горького: всегда думать о человеке, о его жизни, его правах, его будущем. Никакие богатства, выставленные в павильонах, не могли ослепить очеркиста, отвлечь его от заботы о людях:

«Наверное, где-нибудь показаны условия добычи руды, приемы ее обработки, жизнь шахтеров...», — писал он. — «Кто они, эти добрые гномы, снабжающие отечество презренным, но необходимым металлом? Как это они делают и как они при этом поживают?»

Специальный очерк посвятил он олонецкой «вопленице» Ирине Федосовой и, высоко оценивая ее мастерство, тут же резко выступил против «ремесленников искусства» и декадентов, «дающих звуки без содержания».

Активное отношение к жизни, к людям вело Горького и к активной борьбе за искусство, народное, идейное, целеустремленное, против декадентских теорий и декадентской поэзии.

Уже тогда, в далекие дореволюционные годы, он выступил с четкой программой, которая была завершена им уже в советские годы в многочисленных беседах с рабкорами, обращениях к деятелям культуры, речах и докладах. Это программа непримиримой борьбы за партийное искусство.

«С точки зрения здравого смысла вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше», «ибо мы — враги, и—непримиримые»,— писал Горький буржуазным журналистам Франции в 1906 году и добавлял: «Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения».

Действительно, отношения Горького с буржуазной культурой и ее хозяевами определились раз и навсегда еще в очень ранних его статьях. Его знаменитые, высоко оцененные Лениным «Заметки о мещанстве», его статьи о «карамазовщине», его борьба против цинизма и обывательщины—все это разные проявления одной, главной и ведущей линии его идейного развития, отклонения от которой были недолговременны и неглубоки.

Принципиальность Горького-публициста в сочетании с великим его гуманизмом, замечательное его мастерство фельетониста-сатирика, неутомимый его труд очеркиста и критика — все это сделало Горького одним из величайших представителей русской революционной публицистики.

И всегда — с первых своих шагов в литературе — Горький был деятельным общественником, помощником молодых авторов, вдумчивым редактором, чутким и строгим критиком. Эта сторона его деятельности с особенной силой развернулась в послереволюционные годы, но началась она очень давно. Еще в 1910 году Горький написал статью «О писателях-самоучках», в которой тщательно, как исследователь, проанализировал четыреста рукописей «писателей из народа». «В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но — в них запечатлены живые человечьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чем думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы», — писал Горький.

Как и во всей работе Горького, так и в его отношении к творчеству писателей-самоучек, а позже рабкоров и селькоров, всегда были две стороны: жадность художника к глубокому познанию человеческих душ, характеров, мыслей и стремление действенно помочь выявлению и росту народных сил и талантов.

В 1914 году, выпуская первый «Сборник пролетарских писателей», Горький в предисловии писал: «...возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы». «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу...»

В создании этой литературы — всей революционной литературы мира — роль Горького неизмерима. И он является не только учителем мастерства, не только великим художником, — он является достойным подражания тружеником и общественником, для которого — от первой газетной заметки до последней написанной строки — печатное слово было боевым и благородным оружием.

Международные отклики

РАЗМЫШЛЕНИЯ УОРРЕНА ФИЛЛИПСА

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Невеселое раздумье — так, мягко выражаясь, можно охарактеризовать то состояние, в которое погружены с некоторых пор обозреватели реакционных газет и журналов США. Что же заставило американских журналистов пуститься в размышления о смысле происходящего? Да тот простой и всем теперь очевидный факт, что развитие событий в Европе (и не только в Европе) весьма далеко от перспективы, которую рисовала американская печать.

Действительно: реакционная пресса США твердила, что «помощь» США поставит на ноги экономику стран Западной Европы, будет способствовать невиданному сплочению этих государств, объединенных в военный Атлантический блок под эгидой США, и приведет, наконец, к... «искоренению коммунизма», т. е. к подавлению прогрессивных и демократических сил во Франции, Италии и других западноевропейских странах. Теперь американская пресса вынуждена подвести весьма неутешительный баланс: экономика Западной Европы шатается под бременем гонки вооружений, противоречия между западными державами достигли невиданной остроты, а передовые силы западноевропейских народов объединяются в борьбе за национальную независимость и мир.

Как же пытается объяснять подобные «результаты» американской политики в Европе печать США?

Примечательны в этом смысле размышления корреспондента американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» в Риме Уоррена Филлипса. Он подчеркивает, что итальянский народ, отказав в доверии партии де Гаспери, выразил тем самым желание «избавиться от чувства зависимости от США». Многие итальянцы, пишет корреспондент «Уолл-стрит джорнэл», возмущены тем, что де Гаспери «слишком раболепствует перед Вашингтоном».

Почему, однако, «помощь» США и те, кто ее с готовностью получают, столь непопулярны в Европе? Как ни старается Филлипс уйти от прямого ответа на этот вопрос, его все же можно найти в достаточно запутанных рассуждениях корреспондента «Уолл-стрит джорнэл». Признавая, что «помощь» Западной Европе до некоторых пор, «возможно, приносила политические и экономические дивиденды» Соединенным Штатам, Филлипс вынужден констатировать: в нынешних условиях «сама эта помощь и возмущение, которое она вызывает против американского «влияния», видимо, могут фактически способствовать ухудшению положения».

Уоррен Филлипс приходит далее к выводу, что положение, в котором очутился де Гаспери, весьма схоже с тем, которое вынудило уйти в отставку ряд французских правительств и которое угрожает режиму Аденауэра в Западной Германии. Если де Гаспери и Аденауэр и те силы, которые они представляют, «должны отойти от руководства в Европе частично потому, что они тесно сотрудничают с Америкой, и если они должны отойти от руководства при наличии американской помощи или без нее», заключает Филлипс, тогда американская политика в Западной Европе «должна быть пересмотрена».

К подобным выводам, между прочим, приходят сейчас не только американские наблюдатели, но и многие органы буржуазной печати в Англии и в странах Западной Европы. Так, например, лондонская «Таймс» в редакционной статье пишет: «Неопределенное положение в Италии, Франции и даже в Западной Германии» приведет, повидимому, к тому, что «многие западные планы, которые, казалось, имеют под собой твердую основу, придется пересмотреть заново». Необходимо, подчеркивает «Таймс», обеспечить «стабильность» западноевропейских правительств.

В чем же все-таки подлинные причины этой, как выражается «Таймс», «нестабильности»? Обратимся снова к размышлениям Уоррена Филлипса. Характеризуя позицию народов Западной Европы по отношению к политике де Гаспери, Аденауэра и им подобных, Филлипс пишет: «До тех пор, пока народ считает, что его руководители идут на компромисс за счет национальной независимости, полагаясь на помощь, народ будет действовать так, как поступили итальянские избиратели...»

В этом признании американского буржуазного журналиста заключено, несомненно, зерно истины: угодная американским монополиям политика гонки вооружений и подготовки войны противоречит коренным национальным интересам народов Западной Европы. Именно поэтому с такой силой в широких кругах западноевропейской общественности раздается требование — разрешить назревшие международные проблемы путем переговоров.

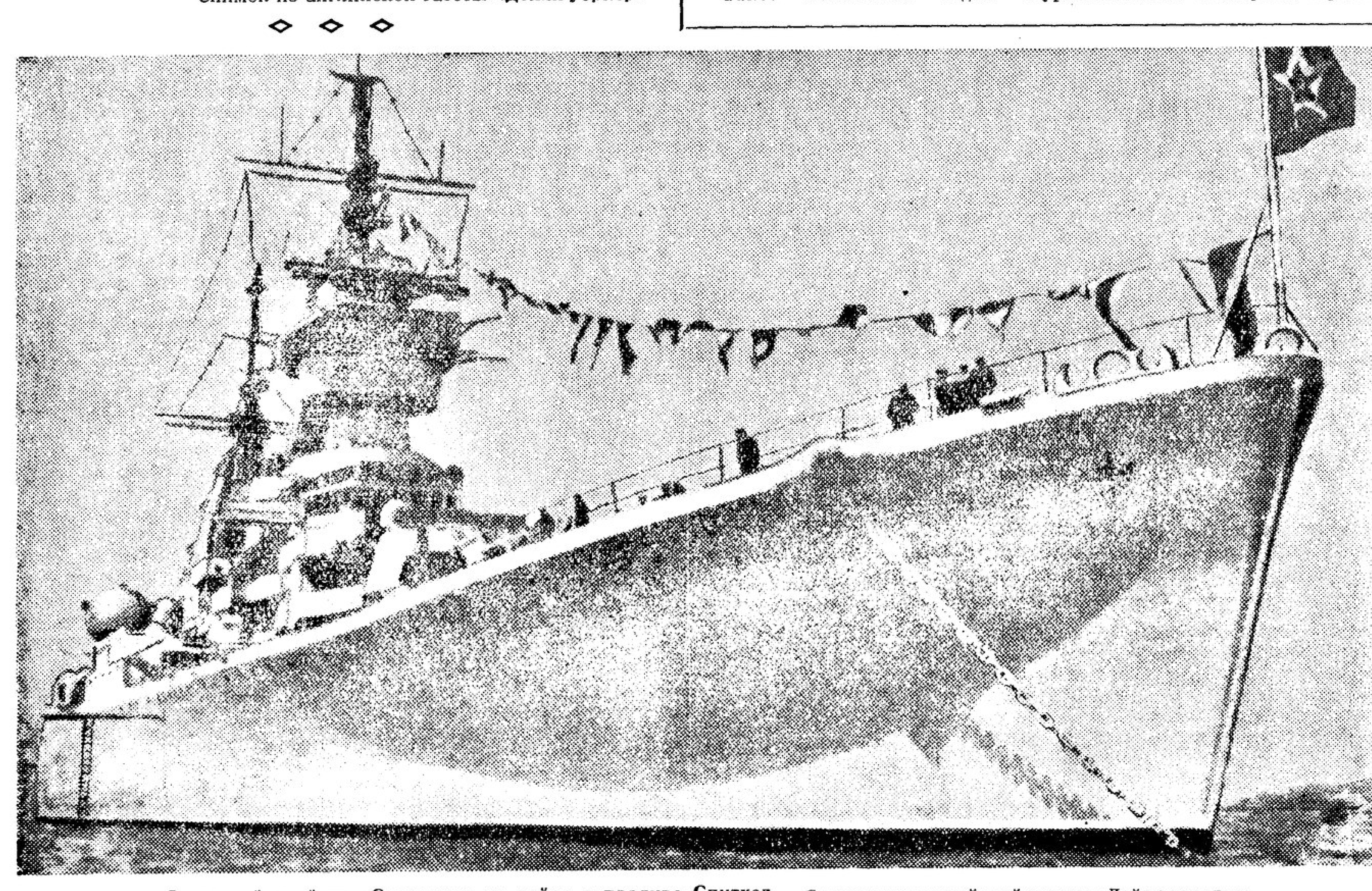
Потому и многие американские наблюдатели, вынужденные считаться с действительными фактами, которые не укладываются в реакционные схемы, начинают более реалистически оценивать обстановку в Западной Европе. Об этом свидетельствуют, в частности, приведенные выше комментарии Уоррена Филлипса.

ЛИТЕРАТОР

«Давайте закурим!» Двое советских моряков и лондонец Лори Чэннер

Снимок из английской газеты «Дейли геральд»

Советский крейсер «Свердлов» на рейде в проливе Спитхед. Снимок из английской газеты «Дейли геральд»

Моряки крейсера «Свердлов» в лондонском парке Кенсингтон Гарденс. Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

КРЕЙСЕР „СВЕРДЛОВ" В АНГЛИИ

Как уже сообщалось в центральной печати, с 10 по 16 июня советский крейсер «Свердлов» находился в английских водах. Советский корабль принял участие в военно-морском параде, состоявшемся в проливе Спитхед по случаю коронации английской королевы Елизаветы II.

Крейсер «Свердлов» был в центре всеобщего внимания. Многочисленные зрители восторженно наблюдали советский корабль с берега или осматривали его с пароходов, яхт и моторных лодок, с утра и до вечера круживших возле него. «Английские газеты, — свидетельствует английский радиокомментатор Джордж Роуз, — полны снимков, на которых изображены смеющиеся русские матросы, рассказов о крейсере и ловкости капитана, который без помощи лоцмана сумел поставить крейсер на якорь».

Уже сообщалось, что, по существующим в английском военно-морском флоте нормам, для постановки на якоря крейсера такого типа требуется один час двадцать минут и что советским морякам потребовалось на эту операцию всего лишь двенадцать минут. В связи с этим мы можем привести некоторые из многочисленных высказываний английской прессы. В Англии, указывала газета «Дейли мейл», «ничего подобного никогда не видели», а газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» назвала это «поразительным искусством мореплавания».

Говоря о большом интересе, который крейсер «Свердлов» вызвал в самых широких слоях населения Англии, газета «Обсервер» писала: «Хотя нашему вниманию предлагается флот в составе примерно 250 самых различных, но преимущественно английских кораблей, мы одержимы одним русским крейсером «Свердлов»... Не будет преувеличением сказать, что население, собирающееся толпами на набережной, точно так же проявляет интерес, главным образом, к нему. «Который здесь русский корабль?» — спрашивают люди друг у друга». Английская газета «Таймс», описывая советский корабль, подчеркивала, что крейсер «Свердлов» «удивительно красив».

За время пребывания советского крейсера в Спитхеде в адрес его экипажа поступили многочисленные письма и телеграммы со словами привета и дружбы от жителей самых различных уголков Англии. Восхищаясь крейсером «Свердлов» и отдавая должное мастерству советских моряков, рядовые англичане выражали в своих посланиях дружеские чувства к советскому народу.

Накануне отплытия крейсера «Свердлов» на родину на имя командира корабля капитана первого ранга Рудакова пришла телеграмма, подписанная председателем национального совета Общества англо-советской дружбы Плэтте-Миллсом и генеральным секретарем Пэтом Слоуном. «Ваш визит,— говорилось в телеграмме,— явился громадным вкладом в дело укрепления дружбы между нашими странами».

В настоящее время «Свердлов» возвращается к родным берегам.

Читатель продолжает разговор

О ЧАСАХ И МИНУТАХ ВРАЧА

«На статью «Часы и минуты врача», опубликованную в «Литературной газете» 7 мая 1953 года, спешу написать свое мнение. К подписи в конце: «Запорожье» — можно было бы добавить: Москва, Молотовский район, больница № 25.

Медицинская сестра **М. Алдонина».**

Это был первый отклик, пришедший в редакцию вскоре после появления статьи. С той поры не проходит дня, чтобы почта не принесла хотя бы нескольких читательских откликов, поддерживающих и развивающих выводы, сформулированные в статье.

И главная забота, которой проникнуты буквально все письма, это забота о пациенте — о советском человеке.

«Медицина есть наука о лечении людей. Так оно выходило по книгам, так выходило и по тому, что мы видели в университетских клиниках. Но в жизни оказывалось, что медицина есть наука о лечении одних лишь богатых и свободных людей,—с горечью замечает В. Вересаев в своих «Записках врача».—По отношению ко всем остальным она являлась лишь теоретическою наукою о том, как можно было бы вылечить их, если бы они были богаты...»

Давно сгинуло то время,—на смену медицины для богатых пришло народное здравоохранение. Взяв на вооружение передовую павловскую науку, многочисленный отряд работников здравоохранения каждый день, каждый час ведет бой с болезнями, бережно охраняя здоровье и силы всего нашего народа и каждого человека в отдельности. Для того, чтобы благородный труд советских медиков был наиболее успешным, надо искоренить недостатки в **организации** работы врачей.

БУМАЖНЫЙ ПОТОК

Естественно, что наибольший отклик статья «Часы и минуты врача» нашла среди медицинских работников. И первый вывод, который они делают: «необходимо пересмотреть нормы приема больных, упростить формы отчетности» (из письма **коллектива врачей больнично-поликлинического объединения города Улан-Удэ).**

«Последнее время в газетах можно прочесть много статей и заметок новаторов производства и деятелей науки о сокращении вспомогательного времени, что приводит к улучшению показателей в работе. Невольно возникает вопрос: почему вспомогательное время участковых ординаторов чрезмерно велико? Можно сказать, что оно составляет около 75 процентов рабочих часов. Чем это объяснить? Только тем, что журналы регистраций и всевозможные отчеты растут из года в год»,— сетует **группа участковых врачей 16-й поликлиники Калининского района Ленинграда.** «Вместо действительного, тщательного осмотра больных и заполнения истории болезни мы буквально «истекаем чернилами»,— пишет врач **М. Скляр** из Днепропетровска. «Бумаг развелось очень много, и пока нет надежды на их убыль»,— добавляют **врачи-терапевты медсанчасти Челябинского завода имени Орджоникидзе.**

Но, может быть, все это количество бумаг неизбежно?

«Из своей практики инспектора Курганского облздравотдела, — пишет врач **М. Львова,**—я убедилась, что поступающая с мест статистика по существующим формам часто не отражает действительного положения в лечебных учреждениях района. Упрощенная отчетность, ориентирующаяся на основные показатели, даст более четкую и ясную картину состояния дел на местах. Приходится повторить всем известную истину, что только в глубоком личном знании дел в районе залог правильного руководства областного здравотдела и министерства. Слепая вера в самую лучшую, красивую и во-время поступающую статистику всегда может привести к крупным ошибкам и просчетам». Доцент **П. Ковалев** из Ташкента, желая упростить врачебную документацию, вносит предложение: «снабдить всех врачей готовыми, отпечатанными в типографии бланками направлений на исследование крови, мочи и т. п. Врач (или сестра) должен вписать только фамилию, поставить дату и расписаться. Сколько времени сбережет эта простая и дешевая вещь».

Бесспорно, что документацию надо упростить.

Однако достаточно ли этого, чтобы покончить со спешкой в кабинете врача?

Нет,—отвечают **врачи поликлиники № 56 Фрунзенского района столицы.**— «Сейчас изменилась методика обследования больного. Разве двадцать лет назад, когда утверждались эти нормативы, измерялось так часто кровяное давление, производилось так часто рентгеновское исследование, разве тогда анализировал врач на приеме электрокардиограмму, направлял больного с затянувшейся ангиной или гриппом на исследование крови с последующим анализом результатов исследований?». И товарищи приходят к выводу: «нормативы приема должны быть пересмотрены в соответствии с современным состоянием медицинской науки».

Для этого, очевидно, надо будет увеличить количество врачей в поликлиниках, но мы знаем, что в конце 1955 года количество врачей в стране вырастет на 25 процентов. Значит, и эта задача вполне реальна и разрешима.

РАЗГОВОР НА ПРИЕМЕ

Требование поскорее решить эту задачу и дать возможность врачу больше времени уделять больному содержится в ряде писем наших читателей. Один из старейших работников здравоохранения Донбасса — **П. Кордобовский** вспоминает фразу, сказанную однажды известным советским ученым академиком Бахом: «Если после разговора с врачом больной не почувствует себя легче, то это не врач». Глубокий смысл этого афористического высказывания объясняет и иллюстрирует своим письмом кандидат медицинских наук **Л. Русакова.** «Нашего больного,—пишет она,—не может удовлетворить на приеме одно лишь грамотно назначенное лечение. Он хочет поговорить с врачом не только о своей болезни, а и о своем сыне, у которого прорезались зубы, и о многом другом. Мы знаем, что воздействие слова на вторую сигнальную систему огромно. Психотерапевтическая беседа дает иногда бо́льший эффект, чем ложка лекарства».

Далеко не всегда помнят в больницах и поликлиниках о целебном значении во-время сказанного слова, о значении всей системы внимательного и радушного обслуживания пациентов. «В кабинете врача,—рассказывает посетительница зубоврачебной поликлиники города Калинина **И. Ляховецкая,**—мне не раз приходилось слышать, как разгневанный доктор обрушивается на регистратуру, считая, что к нему записано слишком много больных. Когда после этого он обращается к тебе с вопросом: «На что жалуетесь?» — невольно молчишь, оскорбленная грубостью и равнодушием врача. Чувствуешь, что он спешит, что ему до тебя очень мало дела, он не выслушивает до конца, иногда даже не посмотрит в глаза больному... В таких случаях с тяжелым чувством уходишь из кабинета врача».

Радушным и внимательным к пациенту должен быть, разумеется, не только врач. Много нареканий вызывает бесконечная путаница и бюрократическая косность в работе регистратуры амбулаторий и поликлиник. Рассказывая об этом, читатели **Г. Новинский, Н. Пржевальский** и другие делятся своими соображениями, как навести порядок и на этом участке обслуживания. «В Краснодаре, например,—пишет тов. Пржевальский,— пациенты (кроме первичных, конечно) совершенно избавлены от очередей, сутолоки, беспокойства при регистрации. У стола в вестибюле поликлиники больной получает талончик с указанием номера кабинета и времени приема. В обмен он оставляет регистратору карточку (для упрощения и ускорения дела самим пациентом заполненную) со своей фамилией и адресом. С дальнейшей работой регистратуры больной уже никак не соприкасается,—картотетчик в спокойной обстановке разыскивает по карточке нужную историю болезни и к сроку отправляет ее в кабинет врача».

«Лечить так, чтобы не было жалоб за дверью!» — это желание севастопольского врача **М. Ушакова** понятно и одинаково близко всем — и тем, кто лечит, и тем, кто лечится. Помимо таких общих причин, как освобождение врача от излишней писанины и увеличение нормы времени на прием пациента, многое в этом смысле зависит от инициативы и самостоятельности руководителей лечебных учреждений и местных органов здравоохранения. Беда в том, что эти руководители в ряде мест перестали быть подлинными **организаторами** медицинского обслуживания. «Исполкомы местных Советов видят в руководителе отдела здравоохранения, — пишет из Красноярска заведующий райздравотделом **Н. Каверин,** — не врача, а хозяйственника... В этом случае руководитель отдела здравоохранения вынужден отрываться от руководства лечебной работой, мало ее знает и не может оперативно решать назревшие вопросы лечебного процесса». При этом проигрывает и опытный врач, поставленный на руководящий пост (о чем писалось в статье «Часы и минуты врача»), и самое дело, оставшееся без организатора.

Руководитель отдела здравоохранения должен обладать большей полнотой власти и ответственности и в другом важном вопросе. Речь идет о гибком применении оправдавшей себя в принципе системы объединения больниц и поликлиник. Замечание о формальном применении этой системы, содержавшееся в статье «Часы и минуты врача», вызвало решительную поддержку многих врачей. «Нельзя подходить с одной меркой,—заявляет заслуженный врач Узбекистана **А. Геворков.** — Когда у нас в Самарканде я внес предложение изменить принцип работы так, чтобы 3—5 месяцев врач находился только в больнице, а затем 3—5 месяцев — только в поликлинике и на участке, мне возразили, сославшись на категорическое указание союзного министерства о запрещении подобных «извращений» в объединении».

А между тем, именно на этом принципе сходятся все предложения врачей. «Хирурги Омска давно уже осознали невозможность распыления работы врача в стационаре и на участке и пришли к правильному использованию его труда — три месяца в стационаре, три месяца в поликлинике»,— сообщает врач **В. Шевченко.** Колеблются только сроки чередования: одни, как, например, кандидат медицинских наук **Д. Абрамович** из Минска или большая **группа горьковских врачей из больницы № 5 Свердловского района,** называют ту же цифру — 3 месяца, другие советуют ограничить время каждого «звена» одним месяцем, третьи предлагают продлить его на 6 месяцев. Очевидно, установить эти сроки нельзя без учета специфики каждого района, каждого объединения. Ясно, что условия Москвы, где нередко больница расположена рядом с поликлиникой, существенно отличаются от условий Иркутска или Шахт, где лечебные учреждения отдалены друг от друга на несколько километров. Во всяком случае, безусловно прав иркутский врач **А. Соколов,** требующий «подойти к реализации приказа № 870 (об объединении больниц с поликлиниками) разумно, а не формально, учитывая местные возможности в помещении и кадрах». Вот здесь и должны выступить на первый план руководители лечебных учреждений и отделов здравоохранения, лучше других знающие местные возможности.

«ОСТРЫЕ УГЛЫ»

Так, шаг за шагом, в коллективном обсуждении наши читатели намечают пути, как покончить с вредной и ненужной спешкой в кабинете врача, как вернуть пациенту его законные часы и минуты. Не обошло это обсуждение и некоторых «острых углов» в жизни и быте медицинских работников. «Среди врачей, профессоров, доцентов, ассистентов бытует мнение, что говорить о материально-бытовых вопросах для врача прямо-таки неприлично,— пишет доктор **О. Кремнева** (Ленинград).— При этом забывают, что эти самые «материально-бытовые вопросы» настолько срослись с производственными, что решать одни без других просто-напросто нельзя. В самом деле, окончивший институт врач получает в течение первых десяти лет своей работы 600 рублей, а после десяти лет — 800 рублей. И это независимо от опыта, стажа...

Правильно ли это? Думаю, что совсем неправильно. Но разве обо всем этом не известно Министерству здравоохранения? Разве не знает этого ЦК союза медсантруд? Очевидно, и здесь считают «неприличным» или, как любят говорить иногда, «несвоевременным» по-настоящему решать эти наболевшие вопросы...»

Объединение больниц и поликлиник наложило на врачей дополнительные обязанности, потребовало от них дополнительного времени на занятия по специальности, на переезды, на обобщающую работу дома. Осуществление на практике павловской теории заставляет врача с особой требовательностью отнестись к своим знаниям, уделить больше времени профилактике и соблюдению охранительного режима для каждого больного. Поэтому нам кажется резонным вопрос заслуженного врача Украины, работающего в одной из районных больниц Полтавской области, **А. Будая:** «Не пора ли подумать об охранительном режиме врача?» Речь идет, прежде всего, о праве на 24 дня отпуска вместо 12 дней, положенных большинству врачей ныне. ВЦСПС должен рассмотреть и решить этот вопрос — на этом настаивают не только врачи, с не меньшей убежденностью об этом пишут в редакцию инженер **М. Рыбаков** из Ленинграда, экономист **Л. Веселовский** из поселка Осетрово Иркутской области, учителя, инвалиды Отечественной войны и многие другие читатели, заинтересованные в успехах советского здравоохранения.

«Правительство установило врачам награды за выслугу лет»,— пишет из Ташкента участковый врач-педиатр **А. Иванов.** Но тут же добавляет: «Если в первый год после постановления аккуратно представляли к наградам, то сейчас все это затихло. А ведь каждый год появляются новые кандидаты. Почему же в органах здравоохранения и в профсоюзе не интересуются ими?»

Велики обязанности врача, велика его ответственность перед народом. Работники медицины честно выполняют свой долг. И они имеют право требовать внимания к своей полезной деятельности. Нет сомнений, что и в Министерстве здравоохранения СССР, и в ВЦСПС, и в местных организациях услышат голос тружеников советской медицины, прозвучавший в письме **работников Костромской областной больницы:**

«Министерствам здравоохранения, их органам на местах, партийным и советским органам необходимо позаботиться об улучшении труда и быта врачей. Эти условия имеют немаловажное значение в многогранной практической и научной работе врача советского здравоохранения».

**

Итак, статья «Часы и минуты врача» вызвала широкий отклик общественности. Выступая недавно на партийном собрании Министерства здравоохранения СССР, министр тов. А. Третьяков также поддержал основные положения этой статьи. Есть основания думать, что Министерство здравоохранения СССР примет и необходимые организационные меры. Их ждут и врачи и пациенты.

65.000 пословиц

Еще четырнадцатилетним мальчиком В. М. Подобин увлекся народными пословицами и поговорками и стал собирать их.

С тех пор, где бы он ни был, чем бы ни занимался — в годы учебы, на многочисленных стройках в разных концах страны, на фронтах Великой Отечественной войны, в послевоенное время,— он продолжал собирать услышанные и прочитанные пословицы и поговорки. Вот уже сорок лет занимается он этим увлекательным делом, поставив перед собой задачу создать для массового читателя систематический словарь народных пословиц и поговорок. Целеустремленно и настойчиво идя к своей цели, испытывая высокое наслаждение от постоянного общения с лучшими образцами народной речи, Подобин нет-нет, а задумывался: не зря ли он тратит время?

О страсти районного инженера (Подобин занимается вопросами архитектуры и жилищного строительства во Фрунзенском районе Ленинграда) узнал работник райкома партии М. Буканов. В августе прошлого года в журнале «Огонек» была напечатана его небольшая заметка о собирателе крылатых выражений русского народа.

И вот в квартиру № 17 дома № 32 по набережной Кутузова посыпались письма, бандероли, посылки. Инженеру Подобину писали неизвестные ему люди, благодарили, спрашивали, когда выйдет словарь, давали советы, просили прислать пословицы на те или иные темы.

Оказалось, что многие, очень многие также заботливо собирают народные пословицы, песни, частушки, загадки.

— Вы понимаете! — взволнованно говорит В. М. Подобин. — За сорок лет, за всю свою сознательную жизнь, я собрал всего 15 тысяч пословиц, а за шесть-семь месяцев читатели «Огонька» прислали мне 50 тысяч! Как это радостно и как ответственно! Составление словаря перестало быть моим личным делом. Теперь я — это мы... Вы послушайте, что пишут эти замечательные люди!

«Красавицы нашего великого языка», «мои красавицы», — так любовно называет собранные им пословицы томский пенсионер Григорий Павлович Павлов. Ему 72 года, он почти утратил зрение, и узнать о работе Подобина было для него величайшей радостью. «Значит, я не одинок, — пишет он. — Значит, занятие это не такое уж пустое, как мне иной раз казалось». Он прислал Подобину 10 тысяч пословиц.

Десятиклассница Алла Разуваева из Ворошиловградской области начала собирать пословицы только после заметки в «Огоньке», но она увлекла за собой весь класс, и девочки прислали уже более 600 пословиц, среди которых есть и малоизвестные, появившиеся недавно.

Один из активнейших корреспондентов и добровольных помощников Подобина, офицер Советской Армии Иван Митрофанович Джога прислал уже 5 000 пословиц и так же заразил своим примером многих товарищей-офицеров. Восемь писем с пословицами пришло из Ростова-на-Дону от домашней хозяйки Анастасии Ивановны Янютиной. 1 800 крылатых выражений прислала из Астрахани А. И. Кузьмина.

«Все более и более очаровываюсь пословицами, не устаю поражаться меткости и силе их», — пишет студентка Иркутского университета Вероника Горбовская. Она раньше не собирала пословиц, а теперь занимается этим с увлечением. Обнаружив редкий сборник, состоящий из полутора тысяч забайкальских пословиц, она переписала их и прислала в Ленинград.

«Пословичные посылки» идут из Тбилиси и Киева, Ашхабада и Советской Гавани, Актюбинска и Боровичей... В них—пословицы старые и новые, популярные и малоизвестные.

Ленинградка, радиотехник Ия Петровна Зимина не только передала Подобину 7 500 пословиц, но сейчас трудится вместе с ним над обработкой и систематизацией всего собранного.

«Жду с нетерпением ваш словарь, — пишет токарь М. Н. Панков из Краснодарского края. — Словарь должен быть дешев и издан в массовом тираже. Благодарю вас за то, что отдаете весь свой небольшой досуг такому нужному делу».

Рабочему Панкову вторит главный архитектор Сталинграда, лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии архитектуры В. Н. Симбирцев: «Необходимость в таком издании давно уже остро ощущается. Нужно познавать народ и через мудрость и красоту его языка».

Как же помогают Подобину те, кто должен был заинтересоваться им в первую очередь — специалисты по фольклору?

На этот вопрос можно ответить одним словом. Никак.

Ни Институт русской литературы Академии наук СССР (здание его видно из дома Подобина), ни Институт мировой литературы не обратили внимания на богатейшее собрание пословиц и энтузиаста-собирателя, скромно и упорно делающего то, что давно должны были сделать названные учреждения. А без их помощи и участия Подобину и его многочисленным помощникам не под силу будет завершить и издать словарь.

Чем объяснить такое пренебрежительное равнодушие?

Может быть, у нас достаточно словарей и сборников пословиц, и сорокалетний труд Подобина, повседневные усилия многочисленных собирателей ничего не могут прибавить к ним ценного?

В том-то и дело, что у нас нет таких словарей и сборников. Печатные издания пословиц и поговорок стали библиографической редкостью.

Последний более или менее полный сборник был выпущен в 1915 году.

С тех пор прошло 38 лет, и каких лет! Появились десятки тысяч новых советских пословиц и поговорок, потеряли свое значение десятки тысяч пословиц старых, дореволюционных.

А словарей нет. Время от времени появляются небольшие и неполноценные сборнички, но и ими не может пользоваться массовый читатель, так как тиражи их ничтожны.

Надо поддержать любителей — собирателей фольклора. И надо помочь инженеру Подобину довести свое благородное дело до конца.

Игорь КОССАКОВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«АКТ БЫЛ ПОДПИСАН...»

Так называлось опубликованное 21 мая 1953 года письмо начальника вокзала станции Курск тов. Дыбо. Редакция получила ответ начальника Московско-Курско-Донбасской железной дороги тов. Кадагидзе, который сообщает, что факты, изложенные в письме, подтвердились. Созданная начальником дороги техническая комиссия установила, что строители недопустимо затянули сроки исправления недоделок вокзала. Сейчас работы уже начаты, полностью они будут закончены до 1 июля. Прораб строительства вокзала тов. Романовский и бывший старший инспектор-приемщик ОКСа тов. Малышев, виновные в сдаче и приемке незаконченного здания, привлечены к административной ответственности.

Ответ начальника дороги не может не удовлетворить наших читателей. Однако остается неизвестным, что собирается предпринять Министерство путей сообщения в отношении других вокзалов, сданных в эксплуатацию с не менее серьезными недоделками, чем вокзал в Курске. В частности, это касается вокзальных зданий на Львовской железной дороге, о которых газета писала 11 апреля 1953 г. («Недоделки вокзалов и удобства пассажиров»). Таким образом, обращение редакции к министру путей сообщения СССР тов. Бещеву (см. примечание от редакции к письму «Акт был подписан...») остается в силе.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РАССКАЗЫ О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Недавно вышла в свет новая книга С. Бытового «Десять тысяч лет» («Советский писатель», 1953, 192 стр.), посвященная жизни на Дальнем Востоке.

Как известно, над дальневосточной «пограничной» темой еще до Великой Отечественной войны успешно работали П. Павленко, С. Диковский и другие писатели. Поэтому, открывая книгу, изданную в 1953 году, с интересом ждешь, что же нового внес автор в раскрытие этой темы.

Тематически сборник распадается на две части. Рассказы «Сигналы с Орлиной скалы», «Пальма», «Круговое течение» и другие знакомят читателя с жизнью советских пограничных застав в то время, когда по ту сторону Амура еще находилось марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое японские империалисты пытались использовать как плацдарм для своей агрессии против СССР.

Перед читателем проходит коллектив советских патриотов-пограничников, спаянных крепкой боевой дружбой, самоотверженно несущих свою трудную и опасную службу. Как много мужества, находчивости, стойкости, зоркости требуется для того, чтобы раскрыть и обезвредить уловки хитрого и коварного врага, пытающегося перебросить через границу шпионов и диверсантов.

Характерен в этом отношении рассказ «Сигналы с Орлиной скалы». В нем показан поединок, происходивший между пограничниками и японскими лазутчиками. Все у́же и у́же смыкается кольцо вокруг нарушителей границы, наконец, шпион и его подручный обезвреживаются.

С. Бытовой умеет увлечь читателя напряженностью действия, неожиданной развязкой. Живости изложения способствует и то, что часть рассказов написана от первого лица, от имени героя.

Вторая половина книги, посвященная жизни трудящихся Маньчжурии под гнетом японских оккупантов, к сожалению, менее удачна.

Не обладая достаточно полным знанием жизни по ту сторону границы, писатель не сумел убедительно рассказать о ней.

Рассказ «Старик из Тука», например, построен на искусственных, неправдоподобных ситуациях. Старик-крестьянин, изгнанный из родной деревни японцами, встречает в пути юношу Вана, который, как это выясняется впоследствии, оказывается партизаном и возлюбленным дочери старика—Мейлин, проданной в публичный дом. Вся деятельность этого партизана сводится к сбору денег для выкупа возлюбленной и попыткам проникнуть в город, чтобы внести этот выкуп хозяину. О судьбе Вана читатель больше ничего не узнает. Рассказ не завершен, от него отдает литературщиной.

В основе рассказа «Случай на том берегу» лежит также мало правдоподобная ситуация. Японский офицер-каратель через своего агента хочет спровоцировать нападение партизан на деревню и тем самым заманить их в ловушку. Зная о приходе партизан, офицер не принимает, однако, никаких мер для того, чтобы привести отряд в состояние боевой готовности. В результате партизаны очень легко уничтожают японский отряд. Японские оккупанты были, конечно, хитрее и коварнее, чем их показывает С. Бытовой.

«Десять тысяч лет!»— этими словами китайской здравицы в честь вечной и нерушимой дружбы народов Советского Союза и Китая назвал С. Бытовой свою книгу. К сожалению, эта важная тема о дружбе двух великих народов выражена автором лишь в общих декларативных фразах, а не в художественных образах.

Б. БЕЛЯЕВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА УЧЕНОГО

Кто не увлекался в детстве полуфантастическим Следопытом из романов Фенимора Купера или живым и реальным Дерсу Узала, которого описал наш известный путешественник В. К. Арсеньев, и другими необыкновенными следопытами. В этих произведениях подчеркиваются необычайная зоркость и наблюдательность следопытов, их уменье по ничтожным признакам восстанавливать картины из жизни животного мира.

Но нигде, даже в научных описаниях путешествий, авторами не раскрываются суть и техника следопытства. Это и не удивительно, ибо ни один из авторов, описывавших искусство разгадывать следы, сам не владел им.

Правда, и у нас и за границей было издано несколько книг с описаниями следов животных. Но это были примитивные, далекие от науки пособия, имевшие целью помочь охотникам в отыскивании зверей.

Книга **А. Н. Формозова «Спутник следопыта»** (издание Московского общества испытателей природы. 1952. 360 стр.), живо и увлекательно написанная, дает научное описание методов следопытства.

Следопыту редко приходится иметь дело с ясными и четкими отпечатками лап животных. На сухих глинистых или щебнистых почвах даже твердые копыта оленя или антилопы оставляют лишь слабые царапины или еле заметные выбоины. В рыхлом снегу, на сыпучих песках следы остаются в виде цепи расплывчатых углублений. Они часто не дают никакого представления о форме оставивших эти следы лап или ног. Однако след определяется безошибочно по другим признакам: расстоянию между отпечатками, их взаимному расположению, по всей манере движения животного. «В затруднительных случаях, — пишет автор, — надо обращать особое внимание на «почерк» зверя. Хорь передвигается энергичными прыжками, то удлиняя их, то сокращая. Он широко рыщет по местам, населенным мелкими грызунами и лягушками, сравнительно редко «ныряет» в снег; след его длинен, состоит из многих прямолинейных переходов и мало запутан...»

Еще больше, чем отпечатки лап, привлекают внимание следопыта другие следы жизнедеятельности животных: их убежища — гнезда, норы и логовища, различные повреждения, наносимые растениям, пищевые остатки, «кладовые» запасов...

А. Н. Формозов опирается на хорошо изученный им опыт охотников-следопытов.

Но главная цель следопыта для А. Н. Формозова как для биолога, естественно, — не охотничьи поиски, а изучение таких сторон жизни животных, которые нельзя изучить никакими другими методами. Дикие животные обычно слишком осторожны, чтобы позволить постоянно наблюдать за собой. Многие из них деятельны только ночью. А обстановка неволи или опыта обычно слишком далека от естественной, чтобы дать возможность сделать правильные выводы о всех полезных или вредных для человека сторонах жизнедеятельности тех или иных животных. Ведь животные могут наносить большой вред, уничтожая запасы и посевы, повреждая лесонасаждения, разрушая постройки, распространяя болезни. В то же время многие животные приносят и большую пользу.

Книга, о которой мы пишем, вышла в 1952 году уже не первым изданием. Новое издание отличается большим объемом и включением отрывков из работ других авторов, проводивших разнообразные исследования методом следопытства.

Новый и оригинальный научный материал изложен в книге А. Н. Формозова в такой общепонятной и художественной форме, что ее с увлечением прочитает не только биолог-специалист, но и каждый человек, любящий природу и интересующийся естественными науками.

Книга иллюстрирована многочисленными точными и живыми рисунками автора, сделанными в течение десятилетий во многих уголках СССР.

Ю. КУРАЖСКОВСКИЙ

МАТЬ И ДОЧЬ

Имена Наташи Ковшовой и Маши Поливановой, славных снайперов, не давшихся живыми в руки окруживших их гитлеровцев, заслуженно стоят в ряду таких святых для нашей молодежи имен, как краснодонцы, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина.

В издательстве «Молодая гвардия» вышла книга **Нины Араловец «Наташа Ковшова»** (М. 1952. 287 стр.). Автор на примере собственной дочери показывает, как воспитывалась наша героическая молодежь.

Наташа выросла в семье, которая всеми своими корнями уходила в почву, славную русскими революционными традициями. Вот почему это — книга не только о дочери, но и о матери и о коммунистических принципах воспитания. Теперь уже нет в живых ни матери, ни дочери: книгу довела до печати подруга Нины Араловец Н. Чертова.

Наташа была коммунистом в третьем поколении. Такие семьи в России не диво. Наташа была дочерью той «гордой Великороссии», которой гордился, великое будущее которой предвидел Ленин, — «свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий».

Книга Н. Араловец рассказывает о том, как формировался замечательный жизнерадостный и волевой характер Наташи Ковшовой. Семья потеряла всех мужчин в гражданскую войну. Наташу воспитывали женщины, и воспитали героиню. Жилось трудно. Одинокая мать, получившая журналистское и агрономическое образование ценой многолетнего совмещения работы с учебой, воспитала в дочери стойкий, сильный характер. Вкус к преодолению препятствий Наташе прививали действительно с «ползункового» возраста, когда в погоне за котенком она «приступом» брала высокие пороги.

«Зная, как мне приходится трудно,— рассказывает Н. Араловец,— Наташа никогда не заводила разговора ни о каких покупках». «Политотдельский кожушок», который носила мать в начале 30-х годов, будучи редактором политотдельской газеты в Казахстане, «дожил» до Отечественной войны. В нем Наташа ушла в ополченскую дивизию. Отсылая матери свое сержантское жалованье, она писала, что деньги ей «понадобятся только после войны: платьице хорошее купить!» Горячая дружба дочери с матерью, постоянное чувство влюбленности в свою «матю» рождались из привитого матерью уважения к труду, из подлинно коммунистического отношения к нему.

Чувство долга, воспитанное с детства, определяло все общественное поведение Наташи. Любое порученное ей дело горело у нее в руках, поглощая все ее помыслы и чувства, заражая окружающих веселой потребностью улучшать жизнь. Такой она была в школе — пионеркой, членом комсомольского комитета, затем членом райкома комсомола и, наконец, на фронте—уже коммунисткой, отзывчивой, отважной, любимой товарищами.

Зная порой безрассудную храбрость Наташи, командование воспитывало в ней необходимую снайперу выдержку. Подвиги, совершенные Наташей за год ее боевой страды, говорят о том, как пригодилась ей эта выдержка, какой неукротимой силы бойцом она ее сделала. Что же удивительного в том, что у молоденькой скромной девушки в критический час хватило моральной стойкости и идейной закалки на великий по бесстрашию подвиг? «...Твоя Наталка никогда не уронит чести нашей семьи и не опозорит славного ее боевого прошлого»,— писала Наташа с фронта.

Читая этот взволнованный рассказ, невольно думаешь о том, как нужны книги, пропагандирующие на живых примерах силу русских революционных традиций.

Книга Н. Араловец вызывает светлые, благородные мысли, воспроизводит привлекательный образ молодой героини. Мешает правдивости образа Наташи некоторый налет дидактизма в наташиных «монологах». Прописи чужды всему ее темпераментному характеру. Стоит сопоставить отдельные «лобовые» высказывания героини с подлинными письмами Наташи, чтобы стало ясно, что между «патетикой» книжной и патетикой наташиных писем — дистанция огромного размера.

Б. ДАЙРЕДЖИЕВ

ПОД НЕБОМ ТУРЦИИ

Кому пришлось однажды странствовать по дорогам Турции, тот надолго запомнил безотрадный, суровый пейзаж Анатолии, полуразвалившиеся глинобитные жилища крестьян, скудные нивы... Медленно катятся скрипучие двухколесные «кани», запряженные буйволами, «турецкий автомобиль», как называют это древнее сооружение шутники. Вот приморский город, порт, табачные фабрики, небольшой металлургический завод. У ворот — щеголь-полицейский. Непонятно, чего ожидают угрюмые, голодные люди в отрепьях на маленьком базаре с убогими лавчонками, где продают всякую мелочь... Эти картины современной Турции вспоминаются, когда читаешь книжку рассказов турецкого писателя **Орхана Кемаля «Борьба за хлеб»,** вышедшую недавно в библиотеке «Огонек» (1953. 38 стр.).

Орхан Кемаль описывает безотрадное существование рабочего люда в Турции, труд детей-подростков на металлургическом заводе, больную женщину-работницу и бюрократов — чиновников-врачей из «Общества по борьбе с туберкулезом», печальную судьбу интеллигента, вынужденного продавать самое дорогое, что у него есть, — книги... Все это — правда о жизни тружеников, обреченных на голодное существование, но не утративших благородных человеческих чувств — мужества, сознания собственного достоинства, любви к близким.

В лунную ночь бездомный рабочий с женой и ребенком ночует под открытым небом. Он видит сады, озаренные луной. «Какая изумительная ночь!»,—говорит он жене, чтобы отвлечь ее от печальных дум. Жена едва держится на ногах от усталости, но делает вид, что ей не хочется спать, и всю ночь отгоняет от спящего мужа и ребенка тучи комаров.

Девочку Сельви собирается купить за десять лир «комиссионер», соблазняя ее новым платьем и сытой жизнью. Сельви не соглашается итти с торговцем живым товаром, она остается с больной матерью, и присутствующий при этой сцене крестьянин одобрительно замечает: «Молодец, дочка Сельви».

Последний рассказ книжки Орхана Кемаля — рассказ о помещике Абид-ага, владельце поместья «Против моря в долине». Он собирается приобрести трактор и выжить со своей земли издольщиков и испольщиков. Чтобы понять сущность этой небольшой новеллы, которую автор назвал «Скверная история», следует вспомнить некоторые убедительные цифры: в Турции помещики и кулаки владеют 77 процентами посевной площади. Из 17 миллионов крестьян 12 миллионов не имеют земли или обладают крохотными участками. Издольщиков в турецких деревнях насчитывается 2 миллиона человек. Помещик Абид-ага, предвкушая победу над обездоленными крестьянами, нежно гладит крыло американского трактора «Фармелл».

Этот трактор, замечает автор, «стоял послушный, как длинношерстная кошка. Кошка, которая, как птенцов в гнезде, передушит издольщиков и испольщиков между небом и землей Анатолии».

Рассказы Орхана Кемаля проникнуты глубоким сочувствием к народу, согреты неподдельным патриотическим чувством.

Л. НИКУЛИН

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

РЕЧЬ И ХАРАКТЕР

1. Более полувека назад Л. Н. Толстой и А. М. Горький неоднократно обращались в своих беседах к вопросу о литературном языке.

У вас, говорил Толстой, «язык очень бойкий, с фокусами, это не годится. Надо писать проще, народ говорит просто, даже как будто — бессвязно, а — хорошо». «...Распоряжаетесь вы словами неумело, — все мужики говорят у вас очень умно. В жизни они говорят глупо, несуразно, — не сразу поймешь, что он хочет сказать. Это делается нарочно, — под глупостью слов у них всегда спрятано желание дать выговориться другому. Хороший мужик никогда сразу не покажет своего ума, это ему невыгодно... А у вас — всё нараспашку, и в каждом рассказе какой-то вселенский собор умников».

Как видим, Толстой критикует язык Горького. Он исходит из речевой практики забитого патриархального крестьянина, который боится обнаружить свой природный ум. Отношение к слову такого крестьянина передано Толстым с исключительной четкостью. Но патриархальный крестьянин, придавленный помещичье-буржуазным строем, — это еще не весь народ. И сам Толстой, что отмечает Горький, отнюдь не замыкается в своем художественном творчестве в узкие рамки речевой практики недоверчивого «хорошего мужика».

Тем более этого нельзя ждать от Горького. Разумеется, Горький знал, что существуют люди, прячущие свой ум, что они вынуждены к этому условиями подневольной жизни. Но Горький — художник революционного пролетариата, и поэтому борьба классов (и людей составляющих эти классы) выступает у него в наиболее острых и **наиболее развитых** формах.

Горький выдвигает в своих произведениях на первый план иных героев, чем Толстой, людей, не скрывающих, а открыто проявляющих свой ум, людей с **умной речью,** мастерски пользующихся оружием слова.

Но, может быть, Горький, отступая от принципов реализма, приписывает героям собственный свой ум и красноречие? Такое обвинение в свое время не раз предъявлялось великому пролетарскому писателю.

Вот выдержка из критической статьи пятидесятилетней давности: «Для г. Горького характерно, что его герои умнее, развитее и талантливее, чем можно ожидать от их образа жизни и совокупности всех условий их бытия. И это вполне понятно: М. Горький отдает им свой ум и талант, и сплошь и рядом его любимцы щеголяют в плаще автора... Как для романтика, для г. Горького неважно, кто скажет крылатое слово: все герои у него — проникновенные философы житейской мудрости, поэты сжатого слова, художники меткости, находчивости и остроумия» («Образование», 1903, № 4).

Все это — грубо неверно. Колоритная, красочная, умная речь героев диктуется в горьковских произведениях не произволом автора, а характерами этих людей и обстоятельствами, в которые они поставлены. Своих героев Горький открыл в жизни. Но, разумеется, рисуя их, он пользуется правом художника на сознательное преувеличение и заострение образа. Это относится ко всему в образе, в том числе и к речевым характеристикам действующих лиц.

Необходимо заметить в этой связи следующее.

За последние годы появилось немало работ о языке художественной литературы, в которых спутаны два подхода к изучаемому предмету — подход лингвистический и подход литературоведческий. Ясно, однако, что интересы лингвиста и литературоведа далеко не во всем совпадают.

В самом деле, лингвистика занимается теми языковыми категориями, благодаря которым язык, как средство общения между людьми, в состоянии обслужить общество в целом. Это чрезвычайно важно и для литературы.

Но есть и другая сторона дела, не менее важная. Вступая в процесс общения, люди по-разному используют огромные богатства единого, общенародного языка. Прежде всего, в зависимости от жизненного опыта, возраста, уровня культуры и многих других обстоятельств (в число которых входит и склад ума человека) люди не в равной мере владеют этими богатствами. А затем в очень большой мере характер речи зависит и от характера общения, которое возникает между людьми. Все это влияет на речь и придает ей **индивидуальную окраску.**

Для художника индивидуальная манера речи людей имеет первостепенное значение, что Горький и подчеркивает в своих советах молодым писателям. «Это надобно подметить, поймать, и вот именно этими особенностями и наградить изображенную фигуру, тогда вы обнажите особенности чувствований и мышлений с надлежащей полнотой, т. е. создадите характер».

Здесь, как видим, вопрос встает не просто о слове, а о слове, взятом в его соотношении с образом. Художественный образ не может быть сведен к его словесному оформлению. Но воплощается образ (в художественной литературе) в слове, и потому возникает потребность разобраться, **как писатель использует механизмы языка, его выразительные средства, его возможности для образного воссоздания действительности.**

2. В воспоминаниях Горького о Льве Толстом имеется интересная запись. В ней Горький отмечает казавшуюся ему порою «болезненно острой» чуткость Толстого к формам речи. Это горьковское наблюдение крайне существенно — и не только как свидетельство о Л. Н. Толстом. Оно, думается, в высшей степени характерно **для самого Горького,** которого, так же как и Толстого, отличает исключительная чуткость к формам речи, — не только к тому, **что,** но и к тому, **как** говорят.

Не лишне будет напомнить, что А. М. Горький нередко упрекал многих молодых литераторов в недопустимой «глухоте». Так, например, он приводит фразу из письма «начинающего», которого будто бы «обидели» редакторы: «И я ушел, ушел, как побитый пес, ошпаренный кипятком». «Пес, — комментирует Горький, — плохо выдуман. Если его побили, он не уйдет, а убежит, не ожидая, когда его еще и ошпарят; если же его ошпарили, он тоже не станет ждать, когда его еще и побьют».

Обостренное восприятие слова присуще, однако, Горькому не только в непосредственно авторской речи. Он щедро наделяет таким отношением к слову и своих многочисленных героев. В этом — одна из знаменательных черт горьковского творчества.

В искусстве равнодушно-безразличные отношения между людьми не занимают обычно сколько-нибудь заметного места. В искусстве герои вступают в **сюжетные** отношения, а сюжет, по классическому определению Горького, — это «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей». Понятно, чем острее взаимоотношения между людьми, тем острее у них и восприятие чужой речи. Это и показывает Горький, крепко связывая воедино образ человека, его манеру говорить и его отношения с другими людьми.

Взять хотя бы первое действие пьесы «На дне». Содержатель ночлежки Костылев говорит Клещу: «Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь!.. Надо будет **накинуть** на тебя полтинничек...» «Ты петлю на меня **накинь,** да задави...» — зло отвечает Клещ.

Этот выразительный обмен репликами становится возможным лишь благодаря искусному использованию такого свойства языка, как **многозначность слова.** Такова языковая основа, на которой вырастает словесная схватка между Костылевым и Клещом. Но чем обусловлена эта схватка между героями пьесы, чем обусловлена форма, которую она приняла? Разве желанием «обыграть» слово, сказать каламбур? Нет, конечно, — дело совершенно в другом. Клещ крайне раздражен поведением елейного старичка Костылева — и потому именно реагирует на все сказанное им сразу, не только на содержание, но и на форму его речи.

Другой пример — «проходной» как будто диалог между Прохором и горничной Лизой во втором варианте «Вассы Железновой»:

«**Прохор.** ...Поставь замки на стол. Ничего не видишь, не знаешь. За что тебе подарки дарю?

Лиза. Подарили вы мне! Скоро всем виден будет подарок ваш.

Прохор. Лучше — я, чем Пятеркин. Передвинь кожаное кресло, от солнца кожа портится, а ему шестьдесят пять рублей цена.

Лиза. Солнцу?

Прохор. Креслу, подарок мой сестре. Солнце ничего не стоит...»

В первых двух репликах снова использована многозначность слова; в последующих — та сплошь и рядом встречающаяся в разговорной речи «вольность» в расстановке слов, на которую мы чаще всего не обращаем внимания, но которая приводит иной раз к двусмысленности. Брюзгливо-требовательный, «хозяйский» тон Прохора не может не вызвать отпора Лизы, которую он сделал своей любовницей; оттого-то девушку и задевают так больно его слова и она подмечает малейшие их особенности. А это, в свою очередь, позволяет Лизе задать свой — имеющий глубокий подтекст — вопрос, на который Прохор отвечает с такой саморазоблачающей красочностью.

Не удивительно, что между горьковскими героями то и дело поднимается **спор о словах.** Это вполне соответствует языковым и стилистическим принципам великого русского писателя.

Вот начало пьесы **«Сомов и другие».** Домработница Дуняша, девушка, захваченная новыми современными веяниями, говорит: «Спекулянт масло принес», а Анна Сомова, барынька из «бывших», поправляет ее: «Надо говорить — частник, а не спекулянт». В этом споре ясно сказываются и характеры, и классовые позиции людей, и их отталкивание друг от друга.

Через отношение к слову выявлять сущность человека — один из излюбленных приемов Горького-художника. «Мещане» написаны за тридцать лет до «Сомова и других», но и там мы встречаемся со сходным приемом.

Перчихин заявляет в **«Мещанах»:** «Я так полагаю, что всякое дело любовью освящается...» Слова эти вызывают скептическую усмешку мещанина Бессеменова.

«**Бессеменов.** Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессеменов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство.

Бессеменов. Мм... Оно пожалуй...»

Бессеменов нехотя соглашается с Перчихиным, но он уже успел разоблачить себя, показав, что для него — при всей его законопослушности — воровство в сущности такое же «дело», как и все остальные.

Естественно, непринужденно — и вместе с тем необходимо возникающее внимание к форме слова ведет к **обогащению** языка горьковских героев, к **концентрированному, образному** выражению их чувств и мыслей, к **афористичности** речевого языка писателя.

В книге Горького «О том, как я учился писать» настойчиво подчеркивается, что «пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа, и писателю совершенно необходимо знакомиться с материалом, который научит его сжимать слова, как пальцы в кулак, и развертывать слова, крепко сжатые другими, развертывать их так, чтобы было обнажено спрятанное в них, враждебное задачам эпохи, мертвое».

Афоризмы горьковских героев рождаются в ходе борьбы, как следствие конфликта, развивающегося в произведении.

Так, в ответ на претензии Бессеменова Нил спокойно напоминает: «В этом доме я тоже хозяин». А затем следует его знаменитый вывод, приводящий старого мещанина в замешательство и неистовство: **«Хозяин тот, кто трудится...** Запомните-ка это!»

В эксплуататорском обществе слово «хозяин» имеет определенный смысл; оно служит синонимом слова «собственник». Развертывая «слова, крепко сжатые другими», рабочий-революционер Нил отбрасывает прочь претензии Бессеменова, вскрывает их несостоятельность и бессмысленность, и, делая это, сам сжимает слова, «как пальцы в кулак», нанося удар по собственническим представлениям. Таким образом, из противопоставления двух значений слова «хозяин» вырастает блестящий афоризм, запомнившийся миллионам.

То же происходит и тогда, когда Нил возражает Петру. Петр истерически кричит: «Кто дал... кто дал вам это право?» Нил отвечает: **«Прав — не дают, права́ — берут...»**

Активность, вообще свойственная натуре Нила, простирается и на его отношение к слову. Потому он и говорит таким сильным, ярким, выразительным языком. Это типично для Горького, для его метода, направленного прежде всего на то, чтобы выявить творческое начало в человеке.

3. В горьковских произведениях оценка героя всегда так или иначе связана с его речевой характеристикой. Соотношение образа и слова — неизменный объект пристального художнического интереса Горького, и удивительное разнообразие типов и характеров, созданных великим писателем, основывается, в частности, на том, что все они и говорят и слушают по-разному.

У Клима Самгина, скажем, **нет своих слов,** что является закономерным следствием его внутренней пустоты. Это все время тревожит, мучит честолюбивого Клима, уверенного в своем уме, в своей значительности и мечтающего о том, чтобы иметь свой собственный «оригинальный» лексикон. Но если «своих слов» у Самгина нет, то **чувство слова** у него есть, и он — подчас весьма умело, незаметно для других — уснащает свою речь заимствованными словами.

По-иному разоблачается Пологий (во «Врагах»). Это — невероятно скучный, нудный человечек, «мыслящий» при помощи штампов из реакционных газет, и если бы нам довелось пробыть в его обществе подольше, мы бы, вероятно, умерли от тоски. Но Горький выводит его перед нами, — и мы хохочем. Суть тут в том, что в речи Пология штампы, смысл которых он сам как следует не осознает, сталкиваются между собой и образуют неожиданный комический эффект. Вот, к примеру, как этот черносотенец рассказывает о большевике Синцове: «Это личность не похожая на простого человека, **с нормальным умом.** Он читает разные книги и **имеет обо всем свои суждения».** Штампы, как видим, «подводят» Пология, раскрывая до конца его умственное и нравственное убожество.

Встречаются у Горького и другие персонажи, также говорящие штампованным языком. Назову Настю из «На дне», Надежду из «Варваров». Но здесь принцип построения образа совсем иной — он строится на противоречии (в конечном счете, социально обусловленном) между **силой** чувства и **бессилием** его выразить.

В большинстве своем, однако, герои Горького — это люди, отлично владеющие словом.

Меткими, точными словами говорит Васса Борисовна Железнова. Превосходно чувствует она тончайшие оттенки речи, что находит выражение в любой ее реплике. Васса говорит о себе: «Я — человек грубый, прямой», и это, безусловно, верно. Какова же природа ее прямоты и как она сказывается на строе ее речи?

Выше говорилось об использовании горьковскими героями многозначности слова. Прием этот применен Горьким и для речевой характеристики Вассы. Однако смысл он приобретает при этом новый.

Мельников (член окружного суда) пытается уверить Вассу в своей «благодарности». Васса обрывает его: «Вы — короче! О **благодарности** будем говорить, когда кончим дело это мирно и прилично».

Выдвигая вместо одного значения слова (благодарность — чувство признательности) другое (благодарность — вознаграждение), Васса Железнова легко, как бы мимоходом изобличает **лицемерие** пышных фраз Мельникова, обнажает подлинные его намерения. В этом — ее несомненная сила. Но как расценить ее «прямоту» и «грубость»? Они свидетельствуют о **цинической откровенности,** т. е. о таком свойстве людей эксплуататорского мира, который является оборотной стороной их лицемерия.

Как и многие другие горьковские герои, Васса Железнова любит вступать в споры о словах. Потрясенная тем, что Васса не хочет вернуть ей сына, Рашель восклицает: «Да — что вы — зверь?» «...Не ори! — хладнокровно отвечает Васса. — Я — не зверь. Зверь выкормит детеныша, и — беги, сам добывай хлеб себе, как хошь. Хочешь куриц ешь, хочешь — телят. Конечно, — добавляет она, — **речь идет не о зайцах, а о серьезном звере.** А ты вот своего детеныша на свободную добычу не пускаешь. И я внука своего не пущу. Внук мой — наследник пароходства Храповых и Железнова. Единственный наследник миллионного дела».

В этом рассуждении о различии между зверем и человеком виден незаурядный ум Вассы Борисовны. В ее словах есть своя логика — и логика, глубоко продуманная и прочувствованная. Но, дав нам ощутить ум своей героини, Горький делает для нас ясной и ее ограниченность.

Васса говорит о «серьезном звере», причем совершенно очевидно, что «серьезным зверьем» она считает лишь хищников. Высказывание недвусмысленное, показывающее, как Васса смотрит и на взаимоотношения в человеческом обществе.

Умным и беззастенчивым циникам, у которых, впрочем, бывает порой «что-то ценное» (слова Рашели о Вассе), в горьковском творчестве противопоставлены люди с настоящим человеческим сердцем, ищущие правду, как Булычов, или нашедшие ее, как тот же Нил. У этих героев Горького «великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово» звучит, как правило, с особой силой и убедительностью. И это — не случайно, это вытекает из существа художественного метода Горького, это следует непреложно из его понимания положительного героя, непримиримого ни к какой фальши, ни к каким софизмам защитников старого мира. Вот почему положительная характеристика героя в горьковских произведениях непременно отражается и в его речевой характеристике.

* * *

В этих заметках сделана попытка вскрыть в самых общих чертах «механику» речевого языка Горького. Нет надобности доказывать, что для наших современных писателей работа Горького над языком чрезвычайно поучительна, больше того, — актуальна. Наш советский герой — умный, тонко чувствующий человек, и нужно, чтобы в литературе он высказался в полную свою силу — ярко и весомо. В этом должно помочь нам творческое освоение богатейшего наследия А. М. Горького.

Г. ЛЕНОБЛЬ

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Нужно ли переводить прозу стихами?

Оказывается, существует такое мнение, что переводить прозу нужно стихами и что такие переводы заслуживают поощрения.

Газета **«Ставропольская правда»** 26 мая с. г. сообщила о том, что «Авторско-редакторским отделом Министерства культуры СССР одобрен и разрешен к постановкам в драматических театрах страны новый перевод трагедии Ф. Шиллера «Коварство и любовь», выполненный режиссером и художественным руководителем Ставропольской краевой филармонии С. Пронским. В качестве главного достоинства работы указывается, что «пьеса переведена белым стихом». Как отмечает далее газета, «стихотворная форма перевода придает драме Шиллера романтически-приподнятое звучание, что полностью соответствует литературному направлению эпохи «бури и натиска».

Если поверить этому утверждению, то придется лишь пожалеть Ф. Шиллера, который, будучи одним из главарей «бури и натиска», не знал, тем не менее, что этой эпохе «соответствуют» белые стихи, и, очевидно, по неведению, написал свою трагедию прозой.

Нельзя не обратить также внимания на торжествующий тон, каким в газете сообщается, что с появлением нового перевода С. Пронского «одновременно исключены из репертуара западной классики переводы Тихомировой и Михайлова». Что касается второго из названных переводчиков, то это — Михаил Ларионович Михайлов (1826—1865) — революционер-демократ, соратник и единомышленник Н. Г. Чернышевского, известный писатель и поэт-переводчик. Свободно владея стихом, он, тем не менее, в полном соответствии с подлинником скромно перевел трагедию Шиллера прозой, и его перевод, опубликованный впервые в 1857 году, десятки раз переиздавался, оставаясь основным сценическим текстом трагедии во всех русских театрах. В наше время перевод этот опубликован в полном собрании сочинений Шиллера, в однотомнике избранных произведений писателя и выпущен в 1951 году издательством «Искусство» отдельной книгой.

Ознакомление с новым «переводом» заставляет предполагать, что С. Пронский просто-напросто изложил неважными белыми стихами именно тот самый хороший перевод М. Михайлова, который после этой сокрушительной процедуры вдобавок еще и оказался запрещенным для исполнения на сцене.

Если у Шиллера (и в соответствии с этим у М. Михайлова) гофмаршал фон Кальб возражает президенту фон Вальтеру:

— Но, вы подумайте, — женатый человек! И моя репутация при дворе! —

то у С. Пронского он восклицает косноязычно:

— Вспомните, однако,
Я человек женатый, и притом,
И репутация моя...

Такими примерами пестрит весь новый «перевод».

Непонятно, чем руководствовался С. Пронский, переводя прозу Ф. Шиллера так называемыми «белыми стихами».

Непонятно, чем руководствовалась газета, широковещательно поддерживая эту затею.

И, наконец, возникает тревожный вопрос: не собирается ли репертуарно-редакторский отдел управления театров (кстати сказать, ошибочно названный в «Ставропольской правде» «авторско-редакторским отделом Министерства культуры СССР») оказать покровительство переводу белыми стихами всех классических пьес, написанных прозой, или эта опасность угрожает только драматургам эпохи «бури и натиска»?

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ В. САЯНОВА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя имени В. В. Маяковского состоялся вечер, посвященный 50-летию В. Саянова. Литераторы, работники издательств, представители общественности тепло приветствовали юбиляра. Главный редактор журнала «Звезда» В. Друзин во вступительном слове рассказал о творческом пути В. Саянова. Он отметил разносторонность его писательской деятельности — В. Саянов выступает не только как поэт и прозаик, но и как критик, публицист, литературовед.

Н. Грибачев передал В. Саянову приветствие от президиума ССП СССР. От правления ленинградской писательской организации юбиляра приветствовал В. Кочетов, от редакции журнала «Звезда» — Н. Никитин. На вечере выступили поэт Б. Кежун, литературовед Г. Луканов, Герой Советского Союза летчик А. Кизима, старейший производственник Кировского завода А. Фомин, художник Н. Павлов. Юбиляром получено много телеграмм от литературных организаций, редакций журналов и газет.

В одном из фойе Дома писателя была открыта выставка, посвященная творчеству В. Саянова.

Новые книги

Авдеев В. Волжские зори. Стихи. Горьковское книжное издательство. 48 стр. Цена 60 коп.

Василевская В. Реки горят. Роман. (3-я книга трилогии «Песнь над водами»). Авторизованный перевод с польского Е. Усиевич. Военное издательство. 472 стр. Цена 9 руб. 70 коп.

Василий Родионович Петров. Сборник статей и материалов. Музыкальное государственное издательство. 239 стр. Цена 8 руб. 75 коп.

Вольтер. Философские повести. Перевод с французского. Гослитиздат. 356 стр. Цена 5 руб. 95 коп.

Гира Л. Избранное. Стихи. Перевод с литовского. Вильнюс. Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР. 167 стр. Цена 4 руб. 35 коп.

Забашта Л. Слово имеет женщина. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. «Молодая гвардия». 155 стр. Цена 3 руб. 15 коп.

Индийские рассказы. Сборник. (Библиотека «Огонек»). Издательство «Правда». 78 стр. Цена 1 руб.

Куртад П. Джимми. Роман. Перевод с французского М. Богословской. Издательство иностранной литературы. 300 стр. Цена 9 руб. 45 коп.

Наволочкин Н. Дорогие мои земляки. Стихи. Хабаровское книжное издательство. 56 стр. Цена 1 руб. 5 коп.

Причард К. Крылатые семена. Роман. Продолжение романов: «Девяностые годы» и «Золотые мили». Перевод с английского Т. Кудрявцевой и Т. Озерской. Издательство иностранной литературы. 400 стр. Цена 12 руб. 85 коп.

Сельвинский И. Избранные произведения. Гослитиздат. 675 стр. Цена 13 руб. 70 коп.

Станюкович К. Избранные произведения. Военно-морское издательство. 488 стр. Цена 13 руб.

Киев. В новом книжном магазине. Фото М. МЕЛЬНИКА.

Трагедия Веррьежа

С обложки романа французского писателя Жоржа Маньяна «Там, где трава не растет больше» на читателя смотрят черные провалы в руинах разрушенных и сожженных домов. Эти развалины не нарисованы художником, они сняты фотографом. Это — мрачные следы войны.

Но сам роман открывается картиной мирного сельского полдня, особенно чистого и радостного потому, что до отдаленного французского селения Веррьеж ля Плэн, где происходят описанные автором события, не докатилась война, а теперь, в июне 1944 года, когда близится день освобождения Франции, жители селения и вовсе уверены в том, что их минуют бедствия войны.

«Жан Брико никогда не думал, что война войдет в его дом. В его мирный дом, что стоит в сторонке от одного из наиболее тихих сел, у самого края долины...»

Эти слова, открывающие роман, сразу вводят нас в атмосферу тишины и покоя деревенской жизни. Молодого крестьянина Жана Брико мы застаем в поле, ребятишки — на классных занятиях, каждый житель занят своим делом. Но вот в поисках склада оружия, якобы припрятанного населением, в деревне появляется отряд эсэсовцев.

Читатель наблюдает жизнь Веррьежа всего лишь один день... Но за этот короткий день, насыщенный событиями, Маньяну удается познакомить нас со многими людьми. Однако это знакомство не поверхностное: автор глубоко раскрывает внутренний мир, мысли и чувства, индивидуальные черты своих героев. Образы Маньяна обогащены выразительным внутренним монологом и картинами прошлого, которые автор с большим художественным тактом вводит в ткань повествования, раздвигая его рамки за пределы описываемого дня. У читателя создается отчетливое ощущение, будто он давно знает и близко сжился со всеми этими людьми, у каждого из которых — своя судьба, своя любовь, свои радости и невзгоды. Но сейчас в жизнь этих людей, многие из которых уже завоевали симпатии читателя, внезапно ворвался кошмар. Все население Веррьежа согнано на площадь и оцеплено немецкими солдатами. Французы понимают, что эсэсовцы замышляют что-то недоброе. Страшные подозрения мелькают то у одного, то у другого, но люди гонят их прочь. Они не могут поверить. Не могут потому, что они — обыкновенные люди с нормальными представлениями о жизни и человеке.

Успокаивая плачущую Сюзанну Ламбер, на руках у которой грудной ребенок, старая крестьянка Жюли Брико шепчет ей:

— Он прекрасен, как младенец Иисус. Не бойтесь, никто не посмеет причинить ему зло.

Страх сжимает сердце молодой Жюльетты Дикро, дочери мэра, но она заглушает его: «Ведь даже в минуты безумия люди все же остаются людьми. Они отступят перед детьми, в которых столько жизни и надежды...»

Так думает и пожилой крестьянин, успокаивая владельца таверны, где скопилось много народа: уж этот-то дом, по крайней мере, уцелеет, — ведь не подожгут же его, раз там так много людей...

Так думают и сотни женщин, загнанных вместе с детьми в церковь: не может быть, чтобы люди, даже если они фашисты, избрали храм божий местом убийства невинных людей...

В описании этих сцен, в обрисовке гуманизма простых людей, в раскрытии их глубокой человечности нашли выражение реализм Маньяна, его любовь к своему народу, его вера в этот народ.

...Население Веррьежа подавлено тревогой и неизвестностью. Но и в этих условиях проявляется патриотизм, и в этой обстановке выступают смелые люди, пытающиеся оказать посильное сопротивление. Оружие, повидимому, есть, но не в этом Веррьеже, а в соседнем — в Веррьеже ля Монтань. И не мысль о собственной неминуемой гибели тревожит в эти последние минуты их жизни учителя Владеля, инженера Франсиса Брико, Жана Брико, а мысль о том, как предупредить население и партизан Веррьежа ля Монтань о грозящей им опасности, о близости эсэсовцев. А потом, если там действительно есть оружие, то ведь партизаны могут притти на помощь... Но как предупредить?! Этот героический поступок совершает Жан Брико — молодой крестьянин.

Не обнаружив оружия, эсэсовцы поступают точно в соответствии с приказом, а приказ гласит: «... уничтожить, не оставить в живых ни одного свидетеля. Убить все, что способно говорить, все, что способно видеть». И эсэсовские палачи сжигают, расстреливают, уничтожают все население, запертое в церкви, сараях, гаражах. Кровь льется рекой, все горит, пылает, корежится, рушится, невообразимый грохот стоит над Веррьежем. Но и сквозь этот адский грохот пробивается негодующий женский крик: «Убийцы! Убийцы!» — крик, воплотивший в себе гнев и презрение всего народа.

Слишком поздно удалось Жану добраться до Веррьежа ля Монтань... Помощь уже не может подоспеть во-время. И менее чем за три часа Веррьеж ля Плэн стерт с лица земли. Лишь дымящиеся развалины, словно гигантская могила, поглотившая сотни изуродованных, изувеченных трупов, напоминают о том, что еще совсем недавно здесь была жизнь...

Жорж Маньян с беспощадной правдивостью воссоздает образы фашистов. Особенно выпукло обрисованы центральные фигуры — полковник Рем и лейтенант Гревен. Если в лице Гревена выведен изощренный садист, достигший виртуозности в «искусстве уничтожать», то Рем, сверх того, еще и «философствующий» убийца, идеологический оруженосец фашизма. Он мнит себя «сверхчеловеком», призванным господствовать над всеми, в том числе, разумеется, и над французами — «этими людишками с темными глазами, почти сплошь низкорослыми, с быстрыми и нервными движениями рук и головы». И Рем и Гревен с цинизмом палачей рассуждают о «методике» уничтожения: «В этом деле надо быть методичным. Система, прежде всего система... Всякое существо, которое живет и движется, надо первым делом сковать, лишить свободы движения, затем пронзить пулями, пригвоздить к земле, топтать, пока оно не превратится в бесформенную массу».

...Из всего населения Веррьежа выжили только несколько человек. В их числе и Жан Брико. Судьбу этого человека мы прослеживаем до того момента, когда он, потерявший семью, дом, подавленный, но не сломленный горем, возвращается к жизни, к труду. И читатель верит, что Жан, прошедший через суровые испытания, будет стойким, непоколебимым борцом за мир, каких мы знаем во Франции миллионы.

Трагическая судьба селения Веррьеж ля Плэн не выдумана автором. Маньян ничего не прибавил, ничего не изменил: он показал фашизм и фашистов такими, какими они были на самом деле и какими они вновь собираются в далекие и ближние походы. Правда, названия Веррьеж нет во французских географических справочниках, но зато есть другое селение, которое стерто с лица французской земли и осталось ныне только на старых картах и в энциклопедиях. «Орадур-сюр-Глан — селение в департаменте От-Вьенн, в 25 километрах от окружного центра Рошешуар, имеется шерстяная прядильня», — можно прочесть в шеститомной французской энциклопедии Ляруссa.

Жестоко ошибется тот, кто сегодня поверит этой энциклопедической справке. 10 июня 1944 года Орадур перестал существовать. Совсем. Эсэсовские части из дивизии «Дас Райх» расстреляли и заживо сожгли всех жителей селения — 646 человек, преимущественно женщин, детей и стариков; превратили в руины и пепел их жилища. От Орадура остались лишь жалкие, обугленные развалины. На пепелище уже после войны был поставлен столб с лаконичной надписью: «Люди, помните об Орадуре!».

Орадур исчез с лица земли. Но он существует и никогда не перестанет существовать, как символ фашистского варварства. Зловещее значение орадурской трагедии становится особенно ясным для миллионов людей в наши дни, когда боннские реваншисты усиленно возрождают гитлеровский вермахт, который должен послужить костяком пресловутой «европейской армии». Военные преступники, совершившие тягчайшие преступления перед человечеством, находят новых покровителей, которые стараются предать забвению их преступления. Одной из таких попыток и явилась комедия суда над палачами Орадура, разыгранная в январе-феврале этого года в Бордо. Как известно, суд был всего лишь пустой формальностью, необходимой для освобождения преступников и легализации их положения.

Писатель Жорж Маньян своей книгой заклеймил убийц и их покровителей, — его роман «Там, где трава не растет больше» — это приговор не только эсэсовским палачам Орадура, но и их «добросердечным» судьям.

Автор изменил название местности и имена действующих лиц, но читатель без труда понимает, что речь идет об Орадуре — этой «зияющей ране в сердце Франции», как назвал руины городка в одном из своих стихотворений Луи Арагон.

Французская прогрессивная печать справедливо отмечает, что роман «Там, где трава не растет больше» по своим идейным и художественным достоинствам стоит в ряду лучших произведений передовой французской литературы. Чистотой и ясностью отличается богатый, образный язык Маньяна. Простыми и потому убедительными средствами пользуется автор, чтобы передать читателю жгучие чувства гнева и ненависти к фашизму. Выражая мнение прогрессивной критики, французский литератор Жан Канапа в своей рецензии о романе писал, что это — «большая книга, занявшая достойное место в борьбе, которую во имя мира и нации ведут книги».

Д. МИЛЮТИНА

Georges Magnane. «Où l'herbe ne pousse plus». Paris. 1952. Жорж Маньян. «Там, где трава не растет больше». Париж. 1952.

СЕССИЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

ВОКРУГ СЕССИИ

В эти дни живописные улицы, парки и мосты Будапешта украшены в честь происходящей здесь сессии Всемирного Совета Мира бесчисленными голубыми флажками. В нарядных витринах магазинов выставлены портреты виднейших борцов за мир. Белые, раскинувшие крылья голуби отчетливо выделяются на темных стенах домов. Этот ставший привычным силуэт птицы мира можно увидеть и на протянутых через улицы проводах электросети, и в маленьких, по-южному раскрытых для ветра трамваях, и в автобусах — всюду!

Голубой цвет у всех народов издавна означал чистоту души, честность помыслов. Сейчас это — цвет сторонников мира. Широкие полосы голубого шелка протянуты от тротуара до самой крыши пятиэтажного Дома профсоюза строительной и деревообделочной промышленности. Здесь 15 июня начал свою работу Всемирный Совет Мира, на сессии которого, кроме членов Совета, прибывших в Будапешт со всех концов земли, присутствуют многочисленные гости и наблюдатели.

Гостеприимно, сердечно встречают трудящиеся Венгрии посланцев народов — борцов за мир.

В воскресенье, накануне открытия сессии Всемирного Совета Мира, группа делегатов была приглашена в гости крестьянами деревни Шамбок, расположенной примерно в пятидесяти километрах от венгерской столицы. По дороге в Шамбок гостей в каждом селении встречали арки, увитые цветами, украшенные транспарантами, призывавшими к миру.

«С горячей любовью приветствуем делегатов Совета Мира, проезжающих через наши деревни!»

У околицы Шамбока, на заросшей травой широкой площади, возле деревенского пруда, собралось несколько сотен крестьян и крестьянок в праздничных костюмах. Сюда пришли и приехали крестьяне всего района, чтобы на торжественном митинге в присутствии делегатов сессии вручить своему представителю Иштвану Ленарту, моложавому и красивому венгру, специальную «сумку мира».

Любовно вышитая умелыми руками деревенских мастериц, сумка набита письмами крестьянских объединений, крестьян и крестьянок района, пионеров и школьников, девушек и парней. Все они выражают свою волю к миру, горячие симпатии к тем, кто борется за мир во всем мире.

На невысокий помост, заменявший трибуну, выходили один за другим ораторы. А на площади перед помостом и далеко вокруг, в тени огромных платанов, стояли люди с загорелыми лицами — мужчины в черных пиджаках и белых рубахах, женщины в ярких национальных платьях, в белых, голубых, алых, зеленых шелковых платках и кофтах, расшитых цветами, в цветастых фартуках на широких сборчатых юбках. На ветвях деревьев разместились любопытствующие мальчишки...

Вот на импровизированную трибуну поднимается Сабо Иштванне — пожилая крестьянка. Она неторопливо приветствует гостей из Индии и Пакистана, из Южной Америки и из Москвы. Затем, обратившись к односельчанам, она зовет их отстаивать дело мира честным трудом на родных полях.

Со страстной речью выступила молодая крестьянка Дери Яношни. С любовью и благодарностью говорит она о Советском Союзе, как об оплоте мира во всем мире.

Затем к столу президиума выходят один за другим уважаемые люди окрестных деревень, степенные крестьяне, со смуглыми, изборожденными морщинами лицами, девушки в ярких платках, пионеры и пионерки с алыми галстуками на груди. И каждый протягивал зарубежным гостям подарок: расшитые шелком портреты Ленина и Сталина, детские альбомы рисунков и стихов с неизменной надписью: «Беке!», что значит «Мир!»

Какие замечательные сцены, как бы олицетворяющие нерушимую дружбу миролюбивых народов, можно здесь увидеть! Вот белоголовый крохотный мальчик, закончив свою короткую, звонкую речь, целует поднявшего его на руки негра из Кении.

Вот девушка-мадьярка, в одежде, сверкающей всеми цветами шелестящей шелковой радуги, обнимает делегатку Индии, которая приехала в это венгерское село из Копенгагена, где она участвовала в работе Всемирного конгресса женщин.

Вот советскому представителю протягивают живого голубка, и, минуту спустя, освобожденная от алых и голубых ленточек, птица взмывает вверх, в наполненный солнечным светом воздух под радостные возгласы сотен людей...

Затем начинаются танцы — вихрь красок под звуки венгерских скрипок. Какое веселье молодости и радость жизни, какая сила чувствуется в этих простых людях, которые как бы всем своим видом говорят: нам нужен мир!

Дм. ЕРЕМИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

БУДАПЕШТ, 17 июня. **(По телеграфу).**

ВСТРЕЧА ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Будапеште в Доме работников искусств состоялась встреча писателей — участников сессии Всемирного Совета Мира с венгерскими писателями. Гостей от имени венгерских писателей и венгерского народа приветствовал председатель Союза венгерских писателей Йожеф Дарваш. Он выразил уверенность, что будапештская сессия Всемирного Совета Мира приведет к новым успехам движение сторонников мира.

Затем с речью выступил советский поэт А. Сурков. Советские писатели, сказал он, находятся в первых рядах борцов за мир и дружбу между народами. А. Сурков пожелал успехов венгерским писателям в борьбе за мир. Речь Суркова неоднократно прерывалась бурными аплодисментами.

Тепло были встречены также выступавшие на встрече корейский писатель Хан Сер Я, румынский писатель Михаил Садовяну, иранский писатель Алави Бозорг, венесуэльский поэт Карлос Аугусто Леон.

Внимание всей мировой общественности обращено в эти дни к Будапешту, где продолжает свою работу сессия Всемирного Совета Мира.

Все выступавшие — члены Всемирного Совета Мира, приглашенные гости и наблюдатели единодушно поддерживали требование, выдвигаемое сейчас широкими кругами международной общественности, — добиться ослабления напряженности международных отношений и разрешить все назревшие международные проблемы путем переговоров заинтересованных стран.

Комиссии, созданные сессией, приступают к работе.

Илья ЭРЕНБУРГ

Дух переговоров

Мы собрались в исключительные дни: кончается кошмар Кореи, газетные сообщения о горящих городах, об убитых детях, разорение мирнейшей страны, позор, томивший человечество. Кончается война, грозившая расшириться, захватить другие страны и континенты. Это первая большая победа мира, наша победа, друзья!

Теперь все видят, что переговоры могут привести к соглашению. Теперь все понимают, что если можно было положить конец кровопролитной корейской, то можно положить конец и другой войне — войне, не столь потрясающей воображение, но разорительной для всех народов и отвратительной всем порядочным людям, — холодной войне. Дух переговоров явно берет верх над политикой войны, и это также большой успех сторонников мира.

Вспомним недавнее прошлое. Начало нашего движения. Какими нас тогда изображали одинокими! Вспомним насмешки, клевету, угрозы, расправы. В апреле 1949 года мы осудили холодную войну и настаивали на переговорах между великими державами. В апреле 1953 года о том же заговорил президент Эйзенхауэр. В Варшаве мы потребовали окончания войн в Азии и вхождения Китая в Организацию Объединенных Наций. Насколько я помню, Эттли не проявил никаких симпатий к Варшавскому конгрессу. Теперь он, однако, поддерживает предложения, выдвинутые сторонниками мира, о ликвидации войн в Азии и о скорейшем восстановлении в Организации Объединенных Наций представителей Китайской Народной Республики. На Конгрессе народов в защиту мира мы заявили, что суверенитет государств тесно связан с их безопасностью. Теперь о том же говорят и министры Скандинавских стран, Мандес-Франс и премьер Великобритании. Большой путь пройден, большое дело выполнено, и об этом не мешает лишний раз сказать здесь, на сессии Всемирного Совета Мира, которая привлекает к себе внимание всех людей, ненавидящих войну.

Разумеется, я не собираюсь причислять к сторонникам мира политических деятелей, которые по той или иной причине, с теми или иными оговорками принимают теперь некоторые предложения, сформулированные нами в Париже, в Варшаве, Вене, но такие высказывания заслуживают внимания: они продиктованы волей народов. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» пишет:

«Вопрос в том, как долго еще смогут правительства и политические деятели Западной Европы противостоять народному давлению в пользу мира и окончания холодной войны». Американский журнал добавляет, что те государственные деятели, которые противятся мирным настроениям общественного мнения, не долго удержатся у власти. Мне кажется, что редакция «Юнайтед Стейтс ньюс» ошибается в одном: мирные настроения народов начинают сказываться не только на поведении многих государственных деятелей Западной Европы, они находят свой отклик и в других частях света — странах Британского содружества наций, различных республиках Латинской Америки, да и в самих Соединенных Штатах. Что касается нас, сторонников мира, то мы не предъявляли и не предъявляем авторских прав на программу мира, мы не станем стыдить пришедших к идее переговоров с запозданием, мы готовы поддержать любое начинание любого государственного деятеля любой нации, если оно продиктовано честными намерениями разрядить международную атмосферу и найти путь к почетному соглашению.

Мы не собираемся также, предавшись радости первой победы мира, ограничиться приветствиями, поздравлениями и аплодисментами. Силы войны далеко не чувствуют себя поверженными, соглашение в Корее для них — только первая крупная неудача. Они не теряют надежды отыграться где-нибудь в другом месте. Было бы наивным рассчитывать, что эти силы, державшие человечество много лет подряд в состоянии постоянной тревоги, легко откажутся от своих целей; одними руководит безмерная жадность, другими — маниакальный страх, третьими — жажда господства, а все это — трудноизлечимые пороки. Поучительно было в дни, предшествовавшие соглашению в Корее, следить за биржевой рубрикой американских газет. Первого июня акции на нью-йоркской бирже резко пали; еще более резкое падение наблюдалось четвертого июня. В понижении оказались акции корпораций Дюпона и Крейслера, «Дженерал электрик» и «Алюминиум корпорейшн»; особенно сильно упали акции авиационной промышленности. Наконец, девятого июня произошло новое, еще более резкое падение акций. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Некоторые уже начали говорить об опасности мира».

Если одних отвращает от идеи соглашения чрезмерная алчность, то другие сторонники войны охвачены фанатизмом, слепой ненавистью к прогрессу, страхом перед будущим. Мы видим, с каким упорством жаждут продолжать кровопролитие в Корее правители Сеула. Если перемирие в Корее пугает Ли Сын Мана, то идея мирного соглашения великих держав по германскому вопросу страшит Аденауэра. Агентство АДН недавно сообщило из Бонна: «Федеральное правительство намерено настоятельно предложить западным державам, которые, возможно, в ближайшее время вступят в переговоры с Советским Союзом по германскому вопросу, не итти ни на какой контакт с Востоком». Наконец, силы войны еще довлеют над политикой некоторых государств. Лидер лейбористов Эттли в своей речи, которую приветствовали и консерваторы, сказал:

«В Соединенных Штатах имеются элементы, не желающие мирного урегулирования, и этот факт следует учитывать. Есть люди, которые хотят развернутой войны с Китаем, войны вообще против коммунизма». Американская журналистка Дороти Томпсон пишет в «Вашингтон стар»: «Говорят, что все американцы, без исключения, хотят мира. Но «мир» при нынешних условиях означает мир, достигнутый путем переговоров, а не продиктованный. Генерал Ван Флит не желает такого мира, не хочет его и сенатор Маккарти. Наоборот, этот сенатор, очевидно, желает распространить войну не только на Китай, но и на Англию — начать топить английские пароходы, иначе говоря, объявить войну всему миру». Разумеется, я ничего не хочу преувеличить, и я не опасаюсь за судьбу английских пароходов, но было бы ребячеством закрывать глаза на активное сопротивление людей, желающих войны — холодной и горячей. Мы должны неутомимо работать, довести правду до сознания каждого. Мы должны сделать все, чтобы громко прозвучал голос сотен и сотен миллионов людей, чтобы этот голос дошел до тех, кто не хочет его слышать, мы должны добиться, чтобы все правительства считались с мирной волей народа, а не с интригами кучки дельцов или политиканов.

Мы знаем, что путь к миру — трудный путь. Наивно рассчитывать, что человечество, проснувшись, вдруг увидит над собой безоблачное небо полного согласия. Однако первые успехи мира кое-что изменили. Духовное затемнение, которое принесла с собой холодная война, порождало призрачные препятствия и маскировало подлинные пропасти. Теперь свет берет свое. Перед народами встает множество вопросов, и прежде всего вопрос о суверенитете их государств. Считаясь с общественным мнением, этот вопрос в той или иной форме поднимают различные государственные деятели. Разве не показательно выступление Мандес-Франса, который сказал: «Моральная солидарность и идеологическая общность не должны более страдать от зависимости, которой все заинтересованы положить конец... Министры всех европейских стран поочередно являлись на поклон к новому американскому правительству. Можно ли так создать Европу?..» Громко и по-новому прозвучала речь Черчилля. Обсуждая ее, американский журнал «Ньюсуик» говорит: «Сэр Уинстон знает, что демонстрация независимости от Вашингтона в вопросах внешней политики действует благоприятным образом...» О необходимости ограждения суверенитета говорят в Буэнос-Айресе и в Риме, в Копенгагене и в Рио-де-Жанейро. Я позволю себе привести несколько резкие суждения обычно сдержанной консервативной газеты «Дейли экспресс»: «Англия должна отказываться сейчас от долларов, которые Америка все еще предлагает ей дать. Это сделает ее сильнее, а не слабее».

Может быть, некоторые подозрительные люди скажут, что мы, советские граждане, слишком охотно останавливаемся на пререканиях между различными государствами Запада, видя в них залог сохранения мира. Это, разумеется, не так: мы хотим мира между всеми народами и всеми государствами. Мы хотим мира, основанного на взаимном уважении и на равенстве.

Мне кажется, что теперь все понимают, какую опасность представляет для суверенного государства его включение в военный блок, где все решается одной наиболее сильной или наиболее богатой державой. Эта опасность усугубляется тем, что на территории многих суверенных государств имеются иностранные военные базы. При таких условиях суверенное государство не может быть уверенным, что оно не окажется втянутым в войну против своей воли. Возьмем так называемое «европейское сообщество», организацию, родившуюся не по доброй воле европейцев, но навязанную им представителями другого континента. Корреспондент «Таймс», посетивший недавно Париж, Бонн, страны Бенилюкса, пишет: «Всякого, кто приезжает в столицы западноевропейских государств и беседует с политическими лидерами всех партий, должно поразить отсутствие энтузиазма к плану создания европейского оборонительного сообщества». Г-жа Табуи в «Энформасьон» отмечает: «Отрицательное отношение к парижскому договору стало в нашей стране почти всеобщим». Я не стану вас утруждать цитатами из английских газет, которые полны отрицательными суждениями о попытках втянуть Великобританию во враждебные действия против Китая. Эти статьи продиктованы скорее здравым смыслом, нежели ущемленным самолюбием. Страна великих романтиков — Англия умеет реально мыслить, она видит непосредственную угрозу, вытекающую из некоторых покушений на ее суверенитет. Во время недавних выборов итальянский народ показал свое отвращение к политике унижения, вражды и войны. Нужно ли говорить о малых странах? Премьер Дании недавно признал: «Конечно, никто не рад размещению в нашей стране иностранных вооруженных сил». Радикал Дальгорд заявил, что присутствие американских военных летчиков в Дании — «прямая угроза стране». Газета «Стокгольмс-тиднинген» говорит: «Военщина попирает все, не обращая никакого внимания на настроения в малых странах, на их стремления к свободе, не говоря уже о данных торжественно обещаниях... Не будет ли, например, позиция Норвегии еще менее прочной, чем сейчас, если на норвежской земле будут размещены союзные самолеты? Занимая отрицательную позицию в этом вопросе, Норвегия проявляет совершенно естественный и с национальной точки зрения вполне справедливый эгоизм».

Да, справедливым не только с национальной, но и с международной точки зрения является сопротивление суверенных государств размещению на их территории иностранных войск и созданию различных «наднациональных армий», которыми командуют чужеземцы. Этот вопрос затрагивает не только то или иное государство, но все государства, ибо агрессивные блоки, подчиненные правителям, а иногда и оккультным силам одной державы, иностранные военные базы и создание «наднациональных армий» усиливают опасность войны. Сторонники мира, мы горячо поддерживаем все честные предложения о всеобщем прогрессивном разоружении, проводимом под международным контролем, но мы решительно осуждаем вооружение сил реванша и создание новых армий, находящихся под контролем якобы международных органов, которые на самом деле являются штабами одной державы.

Разумеется, опасность войны будет окончательно устранена с полным соглашением великих держав. Наша цель — Пакт Мира. Но путь к нему, как я говорил, не короток и не прост. Каждый народ продолжает справедливо думать о своей безопасности. Может быть, движение нейтралистов в некоторых странах и не представляет крупной реальной силы, но настроения в пользу перемены внешней политики, большего ограждения национального суверенитета, недопущения иностранных военных баз, отказа от создания «европейской армии», а кое-где и выхода из навязанных извне военных союзов — такие настроения растут, и с ними теперь должны считаться все. Мы, сторонники мира, должны поддерживать все шаги, направленные к укреплению суверенитета государств и к ограждению их безопасности. Мы должны поддерживать те круги общественного мнения, которые не идут вместе с нами в нашей борьбе за всеобщий мир, но которые оказывают сопротивление силам войны.

Порой ставится вопрос, как может государство, отказавшись от участия в военном блоке, оградить свою безопасность. Странный вопрос. Представьте себе, что, когда говорят об упорядочении автомобильного движения на дорогах и о борьбе с авариями, автомобилист возражает: «Да, но у меня могут лопнуть покрышки». Отказ от участия в агрессивных пактах уже сам по себе не уменьшает, а увеличивает шансы на безопасность государства. Мы, сторонники мира, давно ведем борьбу за возрождение Организации Объединенных Наций, которая, вдохновляясь принципами ее организаторов, может стать действительно залогом безопасности всех государств. Тот дух переговоров, соглашения, который начинает повсеместно теснить политику ультиматумов, диктатов и угроз, должен изменить «климат ООН» и вернуть ей утерянный престиж. Для этого необходимо, чтобы в ООН занял свое законное место Китай. Это поняли государственные деятели Великобритании, я надеюсь, что это поймут и руководители Соединенных Штатов. Присутствие Китая в ООН поможет ей выполнить ее роль — хранительницы мира — и потому, что без Китая нельзя уладить споры в огромной и пестрой Азии, и потому, что первое дружеское рукопожатие между американскими и китайскими делегатами успокоит не только индийцев и бирманцев, но и австралийцев, англичан или бразильцев. Мирный договор с объединенной, миролюбивой Германией устранит опасность войны в Европе. Германия должна быть суверенным государством, но ее соседи, да и все народы, должны быть застрахованы от возрождения духа реваншизма и сил агрессии. Миролюбивая Германия не должна входить в какой-либо военный блок или в коалицию, направленную против народов, совместно положивших конец ужасной деспотии нацизма.

Советский Союз в свое время подписал ряд пактов дружбы и взаимной поддержки, направленных против возрождения сил агрессии. Таковы, например, франко-советский и англо-советский пакты. Может быть, некоторые политические деятели Запада, подписавшие за последние годы ряд различных и порой противоречивых документов, забыли о миролюбивых договорах с Советским Союзом, но советские люди относятся серьезно к подписям, обязывающим их государство, и они попрежнему рассматривают пакты, о которых я говорил, как гарантию мира в Европе, разумеется, если эти договоры будут соблюдаться обеими сторонами.

Что касается малых государств, то возвращение ООН к духу ее Устава и те пакты о ненападении, которые эти государства могут заключить с соседними странами, явятся куда большей гарантией их безопасности, чем вхождение в военный блок, где они на деле лишены даже совещательного голоса.

Я говорил о том, что подлинный суверенитет государства — залог мира. Меня могут спросить, относится ли это к борьбе народов Азии и Африки за свою независимость. Никто, конечно, не сомневается, что симпатии советских людей идут не к угнетателям, а к угнетенным. Но я хочу ответить на этот вопрос с точки зрения защиты мира. Черчилль и Эттли высмеяли утверждения некоторых газет о том, что борьба Вьетнама за свою независимость — козни Советского Союза. Я не сомневаюсь, что Черчилль и Эттли понимают также всю закономерность притязаний народов Малайи. Политические маневры сил войны, которые мы наблюдали вокруг событий в Лаосе, показывают, что применение оружия против национальных, освободительных движений грозит создать новые очаги войны, новую Корею. Именно поэтому мы, сторонники мира, поддерживаем право всех народов на независимость и настаиваем, чтобы существующие конфликты были разрешены путем переговоров.

При создавшихся новых условиях, при бесспорном ослаблении напряженности международного положения вопрос о суверенитете и безопасности государств приобретает чрезвычайно важное значение. С пониманием и глубокой симпатией мы, советские люди, следим за стремлением народов всех стран оградить свою безопасность. Мы признавали, признаем и будем всегда признавать право каждого народа на самостоятельное существование, на свободный выбор того образа жизни, который ему кажется лучше. Мир нельзя построить только с единомышленниками и друзьями, мир нужно построить и с людьми инакомыслящими, еще полными недоверия. Мы не склонны теперь вспоминать обвинения, нападки, угрозы. Мы хотим договориться и с теми, которые нас горячо, глубоко и длительно не любят.

Друзья, первый этап пройден. Мы не остановимся. За перемирием в Корее должен последовать мир. За переговорами в Корее должны последовать другие переговоры: в мире много невралгических точек и много, слишком много сухого пороха. С еще большей энергией мы будем бороться за мир, чтобы каждый из нас, не краснея, мог глядеть на детей, будь то в Будапеште или в Лондоне, в Москве или в Нью-Йорке. В Вене, говоря о праве каждого народа, большого и малого, распоряжаться своей судьбой, я припомнил французскую пословицу: угольщик у себя дома хозяин. Мне хочется сейчас добавить, что угольщики в общем мирные люди, у каждого из них свой дом, свои радости, свои заботы, и я твердо верю, что угольщики сговорятся друг с другом.

Выступление на сессии Всемирного Совета Мира в Будапеште.

Бог войны: «Безобразие! Этот голубь мира снижает курс акций, который я поднял с таким трудом!»
Рисунок художника Бидструпа из датской газеты «Ланд ог фольк»

НА ТЕМЫ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ЖИЗНИ

Вот несколько рисунков, опубликованных за последнее время различными западногерманскими газетами и журналами.

Некоторые из них говорят робким языком намеков; другие пытаются отшутиться от наболевшей темы; в третьих — прорываются гнев и стыд...

Главный герой этих карикатур — так называемый «средний немец». Их сюжет — то, что происходит с этим «средним немцем» в нынешней Западной Германии.

Вот он подошел к кассе получить очередной конверт с недельным жалованием. Но вместо конверта ему вручают счет, который оглашает кассир: «После вычета налога на социальное страхование, налога на жалованье, чрезвычайного пожертвования и гражданского налога с вас причитается еще три с половиной марки...»

Рисунок из западногерманского журнала «Франкфуртер иллюстрирте»

Вот другой немец. На этот раз уже не служащий, а мелкий предприниматель. Он входит в отдел по сбору налогов. На него направлены дула пулеметов, касса защищена проволочным заграждением. Чиновник командует: «Сведения о ваших доходах — на стул! Руки — вверх! Повернитесь к стенке!», — а потом поясняет: «После введения новых законов о налогах мы вынуждены прибегать к этим мерам предосторожности».

Рисунок из западногерманского журнала «Квик»

Таково финансовое положение «среднего немца». А вот его политическое положение. Издавна немецкого бюргера изображали в виде Михеля — традиционной фигурки в смешном колпаке. Вот он, нынешний Михель, между двумя дюжими полицейскими. Его рот перевязан тряпкой с надписью: «Конституция». Человек, сильно смахивающий на господина Аденауэра, убеждает корреспондента: «Мы, конечно, заботимся лишь о том, чтобы он не простудился...»

А вот что ожидает Михеля в будущем. Подошел он в трусах к реке, глянул в воду и увидел себя в солдатской каске и тяжелых сапогах. Страх на лице у Михеля, дрожит его отражение в воде. Михелю хорошо известно, чем кончается такой маскарад.

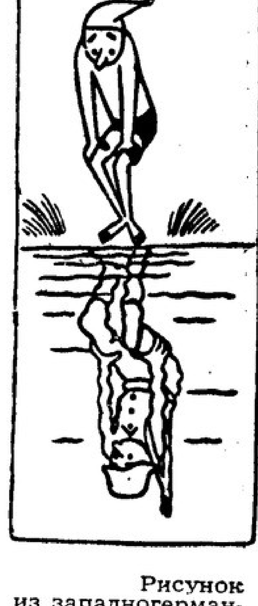

Рисунок из западногерманского журнала «Оффене ворте»

И снова человек с лицом Аденауэра. Собирая винтовку с надписью: «Вклад в «оборонительное сообщество», он поеживается от начальственного окрика бравого американского инструктора: «Ну, рядовой Аденауэр, скоро вы, наконец, закончите сборку?»

Рисунок из западногерманской газеты «Фульдаэр фольксцейтунг»

* * *

Рисунки, которые мы воспроизводим, весьма знаменательны. Самый факт их появления на страницах буржуазных газет говорит о том, насколько непопулярен среди самых широких кругов населения Западной Германии политический курс боннского правительства.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01279.